

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СКАЛОЛАЗКА

ОЛЕГ СИНИЦЫН

СКАЛОЛАЗКА И МИРОВОЕ ДРЕВО

Скалолазка

Олег СИНИЦЫН

Скалолазка и мировое древо

«Автор»

2006

Синицын О. Г.

Скалолазка и мировое древо / О. Г. Синицын — «Автор»,
2006 — (Скалолазка)

Все религии и мифы содержат легенду о древе, которое находится в центре мира. Скандинавский бог Один пригвоздил себя к его стволу, чтобы познать магические руны, Будда Шикьямуни под его кроной получил божественное откровение. Считается, что крест Иисуса тоже символ мирового древа – как и ель, которую мы ставим в центре квартиры под Новый год. Но существует ли древо в реальности? Если да, то где его искать? Алену Овчинникову, московскую переводчицу и скалолазку, эти вопросы абсолютно не интересуют. Авантюристка и искатель приключений, она теперь редко путешествует и живет тихой жизнью. Но однажды, когда столица погружается во мрак, девушку похищают. Она оказывается в горной долине, где нет цивилизации, жители разговаривают на древнем санскрите и видели живого Шиву. Похитителям требуются знания Алены, чтобы добыть еще одну легенду о мировом древе. Только если Алена влипла в историю, то она сама во всем разберется. И найдет намного больше, чем даже может себе представить...

© Синицын О. Г., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Сеницын

Скалолазка и мировое дерево

Часть I

Московские тюльпаны

Глава 1

Переполох на колесах

Если Лехе выпало сообщить мне о какой-нибудь гадости, то он непременно это сделает с радостью и издевкой. Я тороплюсь, в сумке у меня лежит вещица сколь опасная, столь и важная, а на трассе ждет человек, на встречу с которым спешу из самой Камбоджи. Изнервничалась, все ногти погрызла. А Овчинников, который сидел за рулем, как бы невзначай спрашивает:

- У тебя случайно нет богатого, но ревнивого друга?
  - Есть, – сердито ответила я. – Только он бедный и гад по натуре.
  - Ну, сейчас речь не обо мне, а о «БМВ», который едет за нами.
- Я быстро обернулась.

Трасса МКАДа была запружена автомобилями. Лето, пятница, конец рабочего дня. Погода отличная, все спешат за город – кто на садовые участки, а кто в коттеджи. Только я и закабаленный мною Овчинников направлялись в противоположную сторону.

Автомобиль серьезного черного цвета держался позади Лехино «жигуленка». Номер с нулями. Водителя не разглядеть. Что еще за друг? Раньше таких друзей у меня было пруд пруди. Но вот уже полтора года от них ни слуху ни духу. С тех пор как я нашла маму... Я надеялась, что меня наконец оставили в покое. Я скромная переводчица, увлекаюсь скалолазанием. Правда, последнее время с преувеличенным интересом изучаю некоторые слова санскрита, но не пытаюсь произносить их вслух, потому что делать это опасно. Впрочем, кому какое дело до мертвого языка древних индийцев?

- Уверен, что за нами едут?
- Шутить изволишь? Забыла, где я работаю? – Сказано было с такой бравадой, будто Лешка подрабатывает охраной самого премьер-министра. Всего-то капитан милиции. – За нами едет, будь спокойна. Я перестраивался с полосы на полосу – не отстает.
- И давно едет?
- От самого аэропорта, похоже, ведет.

Из Камбоджи я прилетела усталая и дерганая. Боялась, что меня на таможне прихватят – есть за что. Но все прошло удачно... К площадке для посадки пассажиров колымага Овчинникова подкатила одной из последних (всех моих соседей по рейсу давно подобрали новенькие блестящие иномарки). Правая фара светила в сиротливом одиночестве. Левая не работала. С таким безобразием Леха ездит уже больше года. До отлета я спросила его, когда он последний раз заглядывал в лицо своей железной подружки, и видел ли, что она уже год как превратилась в циклопа? Он пробурчал, что вовсе не год и что фару он поменял, но потухла другая, зараза.

Баул со снаряжением бросила в багажник. Сумку оставила при себе. Не хочется класть ее в отсек, который Овчинников открывает ногтем. Знаете, потом стоять в очереди за новым паспортом, да и в кошельке осталось около четырехсот долларов. Но настоящая причина, почему

я крепко прижимала сумку к своей печени, – в ней лежала вещица, из-за которой я пережила это головокружное путешествие в буддийский храм, затерянный в джунглях.

Глядя на преследовавший нас «бумер», я инстинктивно ощупала сумочку. На протяжении всего пути – в камбоджийском автобусе, в отеле, в самолете – я делала это раз двести. Боялась потерять капсулу, содержимое которой добыла с превеликим трудом. Она для меня важна, хотя она не главное. Главное то, что даст взамен нее человек, ожидающий меня перед развязкой Ярославского шоссе.

«Бумер» сверкнул фарами. Яркий пронзительный свет галогена ударил по глазам.

– Та-а-ак, – протянул Овчинников. – Предупреждаю, я пистолет дома оставил.

Снова двойная яростная вспышка. Ишь как старается. Точно, нам мигает. Чего же делать-то?

Я нервно завертела головой по сторонам. Справа ехал универсал, в котором разместилась семья с детьми, бабушкой и яблоневыми саженцами. Слева «Газель», нагруженная пластиковыми окнами, впереди «Пазик» с рабочими. Вроде куча людей вокруг, фонари над трассой горят, но почему я чувствую себя так, словно меня загнали в темный угол?

Слева в потоке образовалась брешь, «БМВ» резво обошел нас и стал вытеснять на обочину, игнорируя другие машины. Позади завизжали тормоза, раздались недовольные гудки. Овчинников поделаться ничего не мог и покорно прижимался вправо. Остановились мы возле пыльной полосы ограждения.

– Вот и все, – сказал Леха с некоторым злорадством. – Суши весла. Допрыгалась, Баль.

– Может, они хотят дорогу спросить? – робко предположила я.

Правые двери иномарки синхронно распахнулись. Из машины вылезли двое внушительного вида молодых парней в строгих костюмах. Оба незнакомые. Уж не знаю, хорошо это или плохо. Пока пыталась в этом разобраться, они подошли к нам. Один остался возле капота, другой, с коротко стриженной головой и обаятельной улыбкой, открыл дверь с моей стороны.

– Вы кто такие! – начала я, – Это что за...

– Господин Овчинников, – оборвал меня парень, – вы не будете возражать, если мы на некоторое время заберем вашу даму?

– Забирайте насовсем. Устал я от нее. Все время нудит: почему приехал так поздно, почему у тебя фара не работает?

Опешившая и разгневанная, я попыталась испепелить его взглядом, но Овчинников не смотрел в мою сторону, а, прищурившись, беззаботно закурил сигарету. Вот предатель!

– Мадам? – произнес парень, галантно подавая мне руку, чтобы помочь выбраться из машины.

Неужели кто-то еще знает о капсуле? Невозможно. Бред. Арнольду нет смысла рассказывать кому-то. Ему нужна частица останков буддийского святого, а мне нужна вещь, которой владеет он. Бартерный обмен с человеком, работающим вне закона. Но мне до его занятий дела нет.

Мне нужна *тряпица*. Это то, что я хочу получить больше всего на свете.

– А в чем, собственно, дело? – возмутилась я, стараясь соорудить строгую физиономию. – Я опаздываю на важную встречу!

– Мы не отнимем много времени.

Я воспользовалась поданной рукой и выбралась из пропахшего бензином салона, продолжая прижимать сумку к печени. Можно было спорить, упираться, изображать оскорбленную невинность. Но я не стала, потому что пиджак был парню немного узковат и через ткань выпирала рукоять пистолета.

Двенадцать метров до «бумера» дались мне с невероятным трудом. Ноги не слушались. Поджилки тряслись, словно после американских горок. Мой сопровождающий с пистолетом

под мышкой, заметив, что я спотыкаюсь, взял под руку и помог доковылять до распахнутой дверцы, ведущей в затененный салон, пахнувший кожей и дорогим лосьоном.

Я плюхнулась на заднее сиденье рядом с человеком в ношеных ботинках и потертом пиджаке. Все-таки попала к старым знакомым.

Глеб Кириллович несколько не изменился с того времени, когда мы виделись в последний раз. Это произошло в клинике, куда я привозила на обследование маму. Еще в нашей, не в швейцарской. Старый чекист тогда пришел поинтересоваться ее самочувствием, он ведь близко знал моего отца и был знаком с ней. Хотя мне кажется, он пришел ради того, чтобы увидеть маму собственными глазами. Хотел лично убедиться. Не верил, что я привезла именно ее, ведь прошло двадцать лет, двадцать долгих лет... Так вот, с того времени Глеб Кириллович не изменился. Стальной взгляд, седые волосы, военная выправка. У него даже морщины правильные и образцовые, как у руководителей КГБ в советских фильмах о разведке.

В своих ношеных ботинках и потертом пиджаке старый чекист в роскошном салоне «БМВ» выглядел, мягко говоря, неадекватно. Этаким дедушка, которого обеспеченный сынуля решил подбросить от одной остановки автобуса до другой. Вот только «сынки» в пиджаках с опаской поглядывали на дедушку. Водитель делал вид, что жуть как заинтересован шумным потоком МКАДа. Мой сопровождающий остался снаружи: прижавшись ягодицами к багажнику, он поглядывал по сторонам.

– Ну здравствуй, Алена, – произнес Глеб Кириллович с такой интонацией, будто я от него скрывалась.

– Здрассьте... – подавленно ответила я, перебирая складки кожи на сумочке.

– Как дела? Чем занимаешься?

– Да все нормально.

Я говорила, уставившись на подголовник переднего сиденья. Нормальные дела. Вот, везу контрабанду для одного криминального субъекта.

– Это хорошо, что нормальные дела, – произнес Глеб Кириллович, глядя на меня как прокурор на расхитителя. – А то, знаешь, бывают плохие дела. И хреновые дела бывают. А еще такое бывает, что вообще по уши в...

– Нет, у меня нормальные. Ни плохо ни хорошо – так себе, все течет своим чередом.

Надо с ним поосторожнее. Чтобы он не понял, будто я куда-то тороплюсь. Заподозрит что-нибудь опытным глазом разведчика. Или заметит, что я все время тискаю сумку... Алена, опусти сумку!.. Заметит, заинтересуется содержимым...

У меня дыхание перехватило от этой мысли.

Так, спокойно. Я никуда не тороплюсь. А в сумке ничего не лежит.

– А вы как? Все воюете на невидимом фронте?

– Воюем! – недовольно хмыкнул он. – Если бы все было так просто. Мир стоит на ушах, с тех пор как великая держава прекратила свое существование... кхм... Как дома, как семья? Ребятишек не завела?

Мои щеки вспыхнули.

– Не от кого.

– Принца ждешь какого?

Нет, так нельзя. Если буду осторожничать, то мы с ним до утра просидим. Три тысячи греческих синонимов! Ведь я опаздываю! Как ему сказать, что я опаздываю?

Так и скажи.

Но прежде чем я открыла рот, Глеб Кириллович опередил меня.

– Федя, – сказал он водителю, – подыши-ка воздухом.

Федя кивнул и покорно вылез из машины, а я подумала, что фраза «подышать воздухом», относящаяся к Московской кольцевой автодороге, звучит несколько издевательски.

Мы остались вдвоем в огромном салоне.

– Приходи ко мне работать. Сейчас нам деньги хорошие выделяют. Будешь получать намного больше, чем за мертвые языки в своем архиве.

Я устало выдохнула.

– Опять вы за старое. Меня деньги не интересуют. Я люблю эти мертвые языки, и мне больше ничего не надо.

– Работа интересная, разноплановая, – гнул свое старый чекист. – Будешь ездить по границам, будешь уважаемой фрау-мадам. Ты нужна стране, Овчинникова! Как ты этого не понимаешь?

– Вы меня словно не слушаете! – возмутилась я. – Глеб Кириллович, мне интересны переводы, а не шпионские игры.

Он посмотрел как-то сквозь меня. Затем приоткрыл дверцу, и в салон ворвался шум автострады.

– Федя, залазь обратно!

Водитель плюхнулся на свое место и повернулся к нам. Пиджак ему тоже был узковат, и у него под мышкой тоже был пистолет.

– Ну давай, – сказал Глеб Кириллович, обращаясь ко мне. – Давай, чего у тебя там в сумке?

У меня, наверное, от ужаса округлились глаза. Федя взялся за сумку и попытался вытащить ее из моих рук, но я вцепилась намертво.

Федя вырвал сумку со второй попытки. Передал Глебу Кирилловичу.

– Нехорошо, Овчинникова! Нехорошо! – с отеческим укором произнес старый чекист, положив сумку себе на колени. – Контрабанда биологических материалов, да еще для преступников. Мне за тебя стыдно.

Парень снаружи открыл дверцу и, взяв меня за руку, легонько потянул наружу.

– Глеб Кириллович!.. – взвыла я.

– И не возникай. Шутки с клонированием вне закона.

Я не помню, как оказалась снаружи. Помощники Глеба Кирилловича резво запрыгнули в салон. Чьи-то руки сунули мне сумочку назад. Хлопнули закрывающиеся дверцы, и «БМВ» резво стартовал, обдав меня пылью и выхлопными газами.

Трясущимися пальцами я расстегнула молнию. Паспорт и деньги на месте. Но капсулы, естественно, не было.

Леха в «жигуленке» беззаботно докуривал сигарету. Я обрушилась на него:

– Ты самая-самая последняя сволочь из всех сволочей, которые существуют на свете! Почему ты не мог оторваться от них?!

– От кого? От семерки «БМВ»?

От злости я сильно хлопнула дверцей, но она все равно не закрылась. Не без удовольствия я повторила процедуру с двукратным усердием. От могучего хлопка машина затряслась.

– Как ты мог! Как ты мог сдать меня им!

– Да я по номеру видел, что федералы. Сразу вспомнил про твоего друга-старичка.

– Никакой он мне не друг! Как и ты! – Я вытерла нос, в котором жалобно хлюпнуло. – Поехали, что сидишь?

Быстрее девяноста километров в час Лехина развалина двигаться не желала, как он ни жал на газ. Мотор надрывно ревел, словно вот-вот взорвется, торпеда громыкала. Я опаздывала уже на сорок минут. Лишь бы Арнольд не уехал! Я не знаю ни его адреса, ни телефона. Вся информация, которая у меня есть – две реплики на форуме археологов в Интернете, где он оставил сообщение под этим именем. Может статься, что и не Арнольд он вовсе.

Кем бы он ни был, я должна получить от него тряпицу, просто обязана. Это моя последняя надежда. Если она не поможет, то даже не знаю, что делать. Но пока есть надежда, буду цепляться за нее до конца.

Серебристый кабриолет с открытым верхом стоял в условленном месте. Какое счастье! Овчинников остановился метрах в десяти позади; назло мне припарковался так, что дверь открывалась лишь на четверть и упиралась в ограждение. Пришлось вытекать из салона.

– Тебя подождать? – осведомился Леха.

– Езжай по своим делам, предатель! Без тебя справлюсь.

– Как знаешь.

Он еще раз хлопнул дверью с моей стороны, закрывая ее плотнее. Включил передачу и уехал, громыхая чем-то под днищем. Я побежала к кабриолету.

В открытом салоне негромко играла музыка. Человеку за рулем на вид было лет тридцать пять. В светлом костюме, жилистый, с цепким взглядом, длинными волосами, собранными на затылке в конский хвост, и золотым перстнем на большом пальце.

– Здравствуйте, вы Арнольд? А я...

– Уже понял, маленькая моя.

– Простите за опоздание. Честное слово, я должна была приехать вовремя, но случилось непредвиденное.

– Забудь об этой ерунде. Ну, чего стоишь? Запрыгивай. С дверцей аккуратнее, не поцарапай о забор.

Я осторожно открыла полированную дверцу и опустилась на мягкое сиденье из белой кожи. На контрасте сразу вспомнился тошнотворный коричневый дерматин, которым обтянуты кресла Лехиной «копейки»... Да что я все о нем! Каков подлец, вот нет его рядом, а все равно продолжает меня доставать. Овчинников, убирайся из моей головы!

Не включая поворот, Арнольд резко вклинился в поток, перескочив через две полосы и подрезав сразу несколько автомобилей. Нам вслед раздались рассерженные гудки.

– Ого, круто! – восхитилась я. И тут же поймала себя на подхалимстве.

Арнольд оказался настоящим слаломистом. Он скакал с полосы на полосу, вливаясь в пустоты автомобильного потока; подрезал чужие автомобили и не забивал голову тем, что о нем думают участники движения.

– Нравится машина? – спросил он. Я с трудом расслышала вопрос: в открытом салоне шумел ветер, да еще музыка громко бухала.

– Ага, тачка что надо!

Я улыбалась во весь рот. Господи, что я несу? Какая тачка? Я никогда так не выражаюсь. Я филолог по образованию, специалист по языкам!

– Где товар?

– Что? – не расслышала я.

Он нажал какую-то кнопку. Матерчатый верх кабриолета быстро поднялся и отгородил нас от грохота автострады. Разговаривать стало намного удобнее.

– Товар привезла?

Я попыталась объяснить все обстоятельно, надеясь, что Арнольд войдет в мое положение.

– Я все сделала так, как вы рассказали в письме. В Камбодже нашла тот самый храм, о котором говорится в свитках. Пока я шла к нему через джунгли, меня укусил гиббон – вот посмотрите, на ноге остался след от зубов. Целых четыре дня провалялась в горячке, к счастью, Бог придумал антибиотики.

– Ну, – нетерпеливо сказал он.

– Мощи буддийского святого охраняли монахи. Но я пробралась через разрушенный свод храма и срезала кусочек плоти с плеча, как вы просили. Когда я выбралась за пределы мона-

стыря и думала, что все позади, монахи заметили веревку. Они погнались за мной и гнались по джунглям целых двое суток! Я едва ноги унесла.

– Где товар?

– Таможню прошла удачно. Полет был просто восхитительным. Но когда я приземлилась в Домодедово и уже ехала на встречу с вами, меня остановила ФСБ...

– ФСБ, – повторил Арнольд удрученно.

– Да. Они забрали у меня капсулу с мощами. Это произошло всего десять минут назад! Арнольд уставился на бампер катящегося впереди пикапа. Наш кабриолет больше не скакал с полосы на полосу, и мы, пожалуй, впервые ехали прямо.

– Значит, федералы виноваты?

– Так получилось. Это моя вина, я не отрицаю. Но я клянусь, что отработаю! Я могу снова полететь в Камбоджу!

– Снова? – устало переспросил он.

– Да, да! Я опять попробуюсь в храм, выкраду мощи. Правда, у меня закончились деньги... Арнольд, понимаете, мне очень нужна эта тряпица, которая находится у вас. Она ведь у вас?

– У меня, цыпочка, у меня. Только что же мне с тобой делать?

– Поверьте мне. Вы меня не знаете, но многие люди, которые знакомы со мной, могут подтвердить, что я всегда держу слово. Мне очень нужна тряпица, вы даже не представляете, как она мне нужна! Я много месяцев искала ее по всем музеям и запасникам, а она, оказывается, находится у вас. Если бы вы отдали мне ее в качестве задатка...

Свернутая в свиток тряпица вдруг появилась у Арнольда в пальцах. Кусок ветхой ткани, перевязанный шелковым шнурком; на изнанке просвечивали чернила, которыми написан текст.

– Странно ты рассуждаешь, – задумчиво сказал он, вращая свиток и гипнотизируя меня им. – Задание провалила, а бонус спрашиваешь.

– Вы не представляете, как мне нужна эта тряпица! У меня мама...

– У всех мама! – оборвал он и замолчал. – Да ладно, мне-то она совершенно не нужна. Держи!

Свиток вдруг оказался у меня на коленях. Я нерешительно прикоснулась к нему.

Неужели? Я не верю!

– Вы даже не представляете... Спасибо, Арнольд! Не знаю, как вас благодарить!

– Не нужно благодарить.

На короткий миг свет померк перед глазами. Кто-то схватил меня за волосы и заломил голову назад, через спинку сиденья. Все произошло настолько неожиданно, что мне казалось, будто я все еще вижу заветный свиток у себя на коленях.

Режущая боль в скальпе привела в чувство. Свет вернулся в глаза. Я смотрела на мелькающие над дорогой фонари – все, что было позволено видеть. Поза такая, что не пошевелиться и не рыпнуться. Человек на заднем сиденье сильно тянул за волосы, но, видимо считая это малоубедительным, приставил еще к горлу лезвие.

– Вот такие дела. – прокомментировал Арнольд, забирая тряпичный свиток с моих коленей. Краем глаза я заметила, как свиток отправился обратно в карман. – А лихо ты гнала пургу про гиббона и монахов. Я даже поверил... Но ты, девочка, не с теми связалась, кому можно окучивать лопухи. С «таганскими» такие кренделя не проходят, усекла? Особенно когда их выписывают козявки вроде тебя!

Человек на заднем сиденье рванул за волосы. Я взвыла от боли. Как я не заметила его? Очевидно, прятался, когда я садилась в машину. Если так, то становится понятно, что Арнольд не собирался отдавать мне тряпицу.

От этой мысли я почему-то успокоилась.

– Скажите только одно, – прохрипела я. – Вы не из «Мглы»?

– Чего? – басисто рассмеялся сидящий сзади. – Чего она лепечет?

– Из какой-то мглы. Нет, мы из тумана. Пока, неудачница! Спокойной ночи!

Арнольд протянул руку и дернул за рычаг, отпирающий дверцу с моей стороны. Дверца приоткрылась. Бешеный шум МКАДа снова ворвался в салон. Сидящий сзади человек вытолкнул меня из машины.

На Памире я однажды сорвалась со склона. Он был крутым, и я катилась по нему не меньше полукилометра. Получила массу впечатлений и адреналина (а еще разбитые коленки и два сломанных ребра). Но на этом аттракцион не закончился, и весь остаток дня я наблюдала занимательное вращение мироздания вокруг собственной персоны. Где бы я ни оказывалась, стены домов, горы и небеса – все это без конца поворачивалось, словно устав от однообразия. Я, кстати, после того случая на обычные аттракционы не хожу. Ни на американские горки, ни на какие другие. Неинтересно.

Когда доброжелатели выбросили меня из кабриолета, скорость была не очень высокой – километров под семьдесят. Впереди возник затор, и автомобильный поток притормаживал. Однако мне казалось, что я качусь по асфальту все двести километров в час. Впечатления были точно такими же, как на склоне Памира.

На меня летел огромный трейлер. Мерзавец с заднего сиденья вытолкнул прямо ему под колеса. Каким-то чудом водитель успел среагировать и рванул свое чудовище в сторону. Раздался металлический удар. Кого-то зацепил, но зато спас мне жизнь. Хотя это весьма относительное утверждение, потому что я катилась дальше, навстречу несущемуся по МКАДу автомобильному потоку.

Пару раз я теряла сознание. В промежутках между этим слышала визгливый скрежет покрышек, раздающийся в опасной близости справа и слева; еще несколько тяжелых металлических ударов. Конец моим сумасшедшим кульбитам пришел под колесами праворульного «субару».

На счастье, к этому моменту он уже затормозил.

Я лежала под передним бампером и чувствовала себя так, словно меня несколько раз переехали колесами. Казалось, что дыхания нет, сердце остановилось. Я вот-вот выскользну из плоти и воспарю над собой.

– Ни фиги себе!

Это произнес краснолицый мужичок, вылезший из «субару». Он помог мне подняться. Хорошо, что не переехал меня своим полным приводом. Спасибо ему за это.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Я вас едва не задавил. Вы что, с неба свалились?

В голове потихоньку светлело. Я обнаружила, что джинсы на коленке разорваны, а сама коленка разбита. Отнялась левая рука, но потихоньку начала оживать – сотни иголок впились в нее со всех сторон. Помню, что треснулась еще затылком об асфальт. Хорошо, что несильно.

На ключицах обнаружился кровотокающий порез. Мерзавец с заднего сиденья успел полоснуть лезвием, когда выталкивал меня на дорогу.

– Хорошо, – говорил мужичок, – очень хорошо, что вы живы! Сейчас я вызову «скорую». – Он стал хлопать себя по карманам, очевидно, в поисках телефона. – Сейчас, сейчас вызову...

Поток вокруг нас застыл. Трейлер перегородил сразу две полосы, сбоку под ним торчала въехавшая под днище иномарка. Позади быстро увеличивалась пробка, раздавались нетерпеливые гудки тех, кто не видел происходящего. А те, кто видел, пытались как-то объехать зону аварии.

Поток впереди удалялся. Серебристый кузов мелькнул и пропал среди машин. Никаких сомнений, что Арнольд больше на связь не выйдет. Его электронный адрес можно спустить

в электронный унитаз. Серебристый кабриолет, у которого даже не было номера, исчез для меня навсегда.

– Не надо «скорой», – попросила я, едва ворочая разбитыми губами. – Подбросите меня?

Водитель «субару» заметно обрадовался, что не нужно вызывать «скорую». И ДПС не надо вызывать.

– Подброшу, никаких вопросов! Вам куда?

– Вы быстро ездите?

– Если надо, могу медленно. Но мне это трудно. Садитесь.

Только сейчас заметила, что праворульная «субару» расписана рекламой, какая бывает на автомобилях, участвующих в гонках. Вот так повезло! Впрочем, можно ли так заявлять, когда меня только что выбросили на приличной скорости под колеса груженого трейлера?

Я рухнула в салон с той стороны, где в нормальных автомобилях располагаются руль и водитель. Рэйсер занял место справа. Он нацепил на лицо желтые очки, и мы стартовали. Я знаю, что уезжать с места аварии нехорошо. Но у меня не было выбора.

Не было выбора у меня.

Если Арнольд выглядел на дороге заурядным хулиганом, то мой невзрачный краснолицый спутник как минимум закончил институт и получил ученую степень по безобразиям на колесах. Мчал он бешено. Я только за сиденье держалась.

Мы нагнали основной поток и влились в него. Василий, так назвал себя мужичок-гонщик, был сосредоточен, неподвижен, взгляд устремлен на дорогу, только руки быстро крутили руль.

– Вы напишете бумагу, что не имеете претензий? – спросил он.

– Хоть две, если вы догоните вон ту серебристую машину.

– Тот пидорский кабриолет? Сейчас.

Арнольд ехал по крайней левой полосе. В салоне гремела Глюкоза. Верх снова откинут, ну нравится человеку представлять себя в Калифорнии! Громила, чью лапу еще помнили мои волосы, перебрался на переднее сиденье и дергал головой под музыку, причем попадать в такт у него не получалось. Оба пристегнуты ремнями безопасности, ишь какие примерные!

Я покрутила головой, пошевелила плечами. Хрустнули шейные позвонки, стрельнуло в локте. Но вроде ничего не сломано, все функционирует.

«Субару» почти поравнялся с кабриолетом, держась от него лишь на полкорпуса сзади. Я опустила стекло. Ветер стеганул по лицу.

– Вы можете так и ехать рядом? – попросила Василия. – Ага, отлично... Я сейчас вернусь.

И прежде чем он успел что-то сказать, я выскользнула в окно.

...Вероятно, Арнольд почувствовал, как кабриолет покачнулся на скорости. Он сразу стал тыкать в кнопки на руле, чтобы убрать гром динамиков и разобраться в причинах.

Его спутник недовольно повернулся к нему:

– Оставь музыку-то!..

– Тссс!!

Арнольд прижал палец к губам, а в следующий миг обнаружил, как у него из подмышки выросла третья рука и полезла во внутренний карман.

– Какого?!

Они оба заорали, когда обнаружили меня на заднем сиденье. Ну прямо как женщины, ей-богу.

– Пошла прочь! – истерично закричал Арнольд и схватил мое запястье. Я цапнула воздух в считанных сантиметрах от заветного свитка, что выглядывал из-под лацкана.

Вот неудача! Надо было резко выхватить свиток и уматывать обратно в раскрытое окно «субару». Но что теперь рассуждать...

Люди вокруг тарасились на нас сквозь лобовые, боковые и затемненные стекла. Пытались понять, что происходит. Я с ними согласна. В обычной жизни редко увидишь картину, как какая-то девчонка перебирается из одной машины в другую прямо на ходу. Хочется разобраться, в чем подвох и где спрятана камера?

В руке громилы сверкнул знакомый нож. Не сомневаюсь, что он собирался им воспользоваться, причем самым негуманным образом – продырявив мою правую почку, которая открылась ему на обозрение.

Я врезала ему темечком в лицо. Единственное, что могла сделать. Сильно, с чувством, со всего размаха. Еще и волосами хлестнула по глазам.

Ножик вывалился из руки головореза. Голова запрокинулась, и он перестал двигаться. Кажется, заехала ему в висок и парень лишился своего недалекого сознания.

Арнольд тем временем оправился от шока, в который его ввергло мое появление в кабриолете. Его губы сжались от ненависти. Одной рукой он стиснул руль, удерживая машину на трассе. Второй принялся выкручивать мое запястье.

У меня вырвался стон.

– Я тебя на куски порву! – прошипел он, почти не разжимая губ.

Не сомневаюсь. Порвет. Силен оказался, чертяка.

Я попробовала вырваться. Дернула... еще раз... Арнольд держал крепко, профессионально. Видать, где-то служил. Я попыталась добраться до него второй рукой, но он еще сильнее выкрутил запястье, и я тут же позабыла о своих намерениях.

Борясь со мной, на какое-то мгновение Арнольд потерял контроль над дорогой, что незамедлительно сказалось на движении. Кабриолет повело в сторону. Пока Арнольд выравнивал крен, одновременно заламывая мою руку, я вдруг наткнулась взглядом на ключ в замке зажигания. Он торчал прямо перед глазами. С прорезиненной головкой, иммобилайзером и кнопками, включающими сигнализацию. Красивенький ключ.

Его я и выдернула.

Арнольд моментально бросил мою руку, словно раскаленную адскую кочергу. Он вцепился в руль, только было поздно.

Кабриолет стало заносить.

От испуга Арнольд крутанул рулевое колесо, чего делать было ну никак нельзя, даже я это знаю!

Система безопасности застопорила руль.

Полированный кабриолет, на спидометре которого не было и двадцати тысяч, потерял управление и боднул крылом бетонный бортик, разделяющий потоки. Осколки фар и пластикового бампера брызнули на асфальт. О полировке и говорить нечего – отрихтовалась что надо.

Бортик оттолкнул кабриолет, и автомобиль стало заносить в другую сторону. Я поняла, что делать мне здесь больше нечего. «Субару» держался рядом. Я прыгнула через полосу бешено несущегося асфальта и ввалилась в распахнутое окно.

– Двадцать три года кручу баранку, – признался Василий, пока я устраивалась на сиденье. – Но такое на дороге впервые вижу.

Иллюстрируя его слова, неуправляемый кабриолет ткнулся в зад груженого КамАЗа, который неведь как забрался на крайнюю полосу, и смял в гармошку капот. Отскочил, пошел юзом. Получил в заднее крыло удар от внедорожника «нисан». Подпрыгнул и закувыркался по дороге, словно ничего не весил.

Василий благоразумно притормозил, и кабриолет улетел вперед. Его перенесло через две полосы, и там машину долбанул несущийся рефрижератор.

Движение снова остановилось. Сзади образовался мощный затор. Я сегодня уже наблюдала подобное.

Кабриолет застыл колесами кверху. Серебристые борта ободраны и смяты. Под капотом на асфальте увеличивалась темная лужа – масло, вытекающее из пробитого картера. Кругом валялись осколки лобового стекла и подфарников.

Я выбралась из «субару». Недолго постояла на месте, держась за дверцу, чтобы привыкнуть к отсутствию движения. Затем двинулась к перевернутому кабриолету.

Арнольд выползал из-под машины заторможенно, рывками, словно из-под развалин здания, уничтоженного бомбежкой. Нижняя челюсть распухла. Из разбитой брови сочилась кровь, которая залила левый глаз. Светлый фирменный костюм на груди и локтях перемазан в машинном масле.

Не успела я преодолеть и половину пути до перевернутого кабриолета, как откуда-то гаркнул гаишный сигнал, и на поле битвы вылетел черный «БМВ» с нулями на номерном знаке. Он лихо затормозил передо мной. Синхронно распахнулись дверцы. Из машины выскочили уже знакомые ребята в костюмах. Они выдернули Арнольда с его неочухавшимся дружкой из груды металла и поставили на ноги.

Последним из «бумера» появился Глеб Кириллович. Серьезный, как сердечный приступ. Бросив короткий взгляд на разбитый кабриолет, он подошел ко мне.

– Ну, Овчинникова! – сказал он. – Не надо было тебя из машины выпускать. Как дитя, ей-богу! Стоит одну оставить, тут же устроишь бардак!

Я молча стояла возле него и глядела, как на Арнольда и его спутника нацепляют наручники. Арнольд выглядел как алкаш: лицо разбито, ноги подкашиваются. Он где-то потерял резинку, которой были стянуты волосы, и теперь они торчали в разные стороны.

Наши взгляды встретились.

– Я тебя запомнил... – глухо произнес он, с трудом двигая распухшей челюстью. – Ты у нас еще попляшешь!

Глеб Кириллович обернулся к нему. Подошел ближе, пристально глядя на молодого человека.

– Кто у тебя попляшет, сынок? – невинно поинтересовался он и ткнул пальцем в мою сторону. – Она, что ли? Да ты хоть знаешь, с кем связался? Эта девочка водила за нос спецслужбы двух крупнейших стран! Если что-то втемяшилось в ее дурную башку, то она в лепешку расшибется, но добьется этого. А ты кто такой? Что ей показать решил, гундос? Уведите его... Нет, стойте.

Глеб Кириллович запустил руку во внутренний карман пиджака Арнольда и вытащил свиток. Я обреченно схватилась за голову. Господи, за что? Ну почему он все время ставит мне палки в колеса!

– А это что такое? – задумчиво спросил старый чекист. – А-а, понял. Тебе *это* от него было нужно?

Он уже меня спрашивал.

Я обреченно кивнула.

– Теперь можете увести его. Обоих в дежурную часть. Хулиганство на дороге, покушение на убийство. Сережа, заскочишь на центральный пульт ГИБДД и сделаешь копии записей с видеокамер наблюдения. Там должны быть все улики против них. Когда закончишь – доложишь.

– Слушаюсь, Глеб Кириллович! – задорно ответил один из помощников, заталкивая Арнольда в только что подкативший автомобиль. Через минуту они уехали, а огромный черный «БМВ» и старый хрыч остались возле меня.

Глеб Кириллович долго молчал, что-то обдумывая. Я тоже не знала, что сказать. К слову, с разбитой губой разговаривать не очень-то удобно.

– Вижу, ты не утратила форму.

– Можете не усердствовать с комплиментами, все равно не буду на вас работать.

– Не беспокойся, я не умею говорить комплименты...

Подкатили гаишники. Они неспешно выгрузились из патрульной машины. Один принялся восстанавливать движение на трассе, второй руководил проездом эвакуатора. На месте аварии сразу сделалось тесно. Мы с Глебом Кирилловичем прижались к полированному борту «БМВ».

– Собственно, я чего хотел-то, – сказал он. – Не договорили мы с тобой.

Я устало вздохнула. Мне не хотелось с ним разговаривать после того, что произошло. Я дико устала, у меня кружилась голова, и меня тошнило. И потом, я наперед знаю все, что он собирается сказать.

Однако Глеб Кириллович заговорил совсем о другом.

– Левиафан начал новые поиски, – произнес он негромко.

Меня прошиб озноб. Вместе с ним накатила такая слабость, что невозможно пальцем пошевелить. От произнесенного имени дохнуло холодом и тьмой. Сразу стало погано на душе. Раза в три поганее, чем после приключений на Московской кольцевой.

Левиафан, или Том Кларк.

Скорее чудовище, нежели человек. Глава международной сверхсекретной службы «Мгла», которая занимается поиском древних артефактов, разработкой сверхсовременных технологий и устранением граждан, которые мешают в достижении этих целей.

– Я полагала, что он исчез. Полтора года прошло...

– Он не исчез. Четыре месяца назад он запросил у Конгресса США крупную сумму на новое исследование. В ответ Конгресс сформировал комиссию, которая начала проверку деятельности «Мглы» за последние пять лет. Результаты шокировали конгрессменов.

– Почему-то я не удивлена. Кларк не чурался самых грязных методов.

– Результаты расследования таковы. Спецотдел «Мгла» закрыт, его финансирование прекращено. Была выдана санкция на арест Левиафана, но он скрылся.

Чудные дела творятся на белом свете! А я думала, что Кларк такой же всемогущий, как дьявол. Прав был Глеб Кириллович, говоря прошлый раз, что в мире все изменилось.

– А куда он скрылся? – спросила я.

– ЦРУ это тоже хотело бы знать. Забавно, мы сейчас с ними в некотором роде сотрудничаем, поэтому нам доступна информация разного рода... Вместе с Кларком исчезли ведущие оперативники. Никто не может понять – почему. В Америке у них остались дома, семьи, солидные банковские счета. Как эти люди связаны с ним?

– Ну здесь как раз большой тайны нет. Эти оперативники ему принадлежат. Зависят от него.

– Как это? – удивился Глеб Кириллович.

– Как в тридевятом царстве...

– В каком?

– Тридевятом. Куда Иван-царевич обычно за молодильными яблоками или жар-птицей ходил. Или за царевной. Древние греки называли его Царством мертвых Аида. В Средневековье появилось название «ад». Читали «Божественную комедию»? Не читали? Я так и думала... Герой Данте прошел девять кругов ада, чтобы отыскать свою возлюбленную. Кстати, тоже фигурирует число «девять», заметили? Так вот, если выражаться образно, Том Кларк – повелитель такого царства. Его лаборатории, разбросанные по всему свету, его конторы, удивительные артефакты, которые могут в них храниться, – все это тридевятое царство, царство мертвых. Соответственно люди, которые живут в тех местах и работают там... Ну вы поняли, да?

Глеб Кириллович издал горлом неопределенный звук, и я поняла, что, как образцовый атеист страны Советов, он не в ладах с классической мифологией.

– Говоря условно, – продолжала я, – все оперативники «Мглы» мертвы с того момента, как начали работать в этой структуре. Мертвым не нужны ни дома, ни семьи, ни банковские

счета. Однажды вступив в контакт с Томом Кларком, они не могут покинуть его команду так же, как мертвые не могут вернуться в наш мир из владений Аида. Кларк подчиняет себе людей и жестоко карает за любые попытки к бегству, дезертирству или предательству. Помните Джона Бейкера? Он мечтал уйти. Его мучила нервная болезнь. Он страдал, пытался бунтовать, но покорно выполнял все поручения своего повелителя.

– Существует тайное убежище, где сосредоточено сердце «Мглы», – сказал Глеб Кириллович. – Там располагается личная резиденция Кларка, в которой хранится много удивительных вещей и добытых им артефактов. Кроме того, там спрятаны несколько научно-исследовательских лабораторий, а также даже мини-завод по производству суперсовременного оружия. Это целый комплекс. Его охраняют не меньше двух сотен преданных Кларку людей и мощная ПВО. Убежище очень надежное. Оно упоминается в документах «Мглы», и скорее всего Кларк прячется там. Но ни мы, ни ЦРУ не знает, где находится это место.

– Неужели не могут вычислить?

– Вычисляют. Задействовали все ресурсы, даже нас попросили о помощи. Но пока безуспешно. Ты ничего не слышала об этом месте?

– К сожалению, нет.

– Может, знаешь людей, кто слышал?

Ого. А я, оказывается, являюсь хранилищем ценной информации. Даже не представляла.

– Есть один человек, который совершил невозможное и вырвался из царства мертвых. Потеряв жену и пройдя через смерть. Но даже после этого Кларк продолжает его преследовать. Его зовут Дуглас Чедвик.

Глеб Кириллович записал имя в кожаном блокноте. Затертым в том же стиле, что и пиджак.

– Хорошо, – сказал он. – Левиафан продолжает поиски даже после того, как ему отказали в финансировании. У него есть деньги, заработанные на продажах сверхтехнологий. Чертова уйма денег.

– А что он ищет?

– Мы этого не знаем. Ни мы, ни американцы...

И он посмотрел на меня многозначительно.

– Ну уж не-ет! – прочитала я его взгляд. – Я не хочу участвовать в новых поисках. Они всегда идут рука об руку с неприятностями. Мне совершенно не хочется вставать на пути Кларка, чтобы потом оказаться в тридевятом царстве. Мне хватает своих проблем.

– Отлежаться на печи не получится, Овчинникова. Ты нужна Левиафану. – Глеб Кириллович выдержал паузу. – И он придет за тобой.

От лопаток до поясицы меня пробила дрожь.

– Придет за мной?

– Работай на нас. И будешь в безопасности. В противном случае ничего не могу гарантировать.

От мягких уговоров и отеческого тона, который, впрочем, плохо получался, Глеб Кириллович перешел к прямому шантажу.

– Вам меня не заставить, – уверенно заявила я. И вдруг поймала себя на том, что не свожу глаз со свитка в его руках.

Глеб Кириллович проследил за моим взглядом. Скривил уголок рта. Задумчиво постучал свитком по ладони... И протянул его мне.

Я остолбенела от этого жеста.

– Держи, держи, – сказал он. – Знаю для чего. Я, правда, не верю, что поможет. Но главное, чтобы ты верила, надежды не теряла.

Я приняла свиток, затаив дыхание. Даже не верилось, что держу его! Что это именно он, а не фантом, который нарисовал мой мозг, воспаленный от нестерпимого желания получить заветную тряпицу.

Трясущимися руками я сдернула шнурок и развернула ветхий рулон. То самое, никаких сомнений! «Слово Будды». На тканевой поверхности выписаны пять витиеватых строк. Буквы-иероглифы словно висят на нитях.

Санскрит.

– Спасибо, Глеб Кириллович. Вы не представляете...

– Представляю.

Он сел в свой «БМВ» и уехал, оставив меня одну посреди дороги. Разбитый кабриолет уже перевернули и затащили на эвакуатор. Вереницы машин медленно тянулись мимо меня. Моего помощника на «субару» уже не было. Я даже не помню, в какой момент он уехал. Собственно, мне на это наплевать. Стоя посреди потока, я не замечала ничего вокруг, кроме заветного артефакта в своих руках.

А потом возле меня притормозил «жигуленок» с одиноко светящей фарой. Леха молча открыл дверь, и я рухнула на задний диван. Там, на пропахшем бензином дерматине, меня настигла запоздалая реакция на шок. Колотило, ломало, трясло.

Леха глянул на меня в зеркальце, ничего не сказал и включил передачу.

Глава 2

Экзорцизм

Я помню свою мать нежной и прекрасной. От нее пахло цветочными духами и веяло неземной теплотой. Бабушка рассказывала, что она была настоящей женщиной. Гордой, сильной, невероятного обаяния. Мужчины сходили от нее с ума, добивались руки, но сердце она открыла только лучшему – моему отцу... Так странно после двадцати лет разлуки отыскать ее. Я словно вытащила маму из могилы, привела с того света. Лучше бы этого не делала. Потому что от той «настоящей женщины» остался обглоданный костяк. Из могилы поднялся зомби.

Разум моей матери заслонили какие-то тучи, и вот уже двадцать лет как она живет в другом измерении. Она не понимает, что происходит вокруг, и не желает понимать. Ее мозг, пораженный разлукой, отгородился от внешнего мира. Она разговаривает сама с собой, бредит. И все время зовет Алену – семилетнюю девочку, с которой ее разлучили обстоятельства. Меня зовет. Каждый час, каждую минуту. Наяву, во сне. Семилетняя девочка давно выросла и последние шестнадцать месяцев провела рядом с ней, но мама этого не ведает. Она меня не узнает. Когда глажу ее руку, когда обнимаю. Не узнает. От этого тяжело на душе.

Она высохла, превратилась в старуху. Взгляд потухший, даже бабушка выглядит свежее. Теперь от нее пахнет чем-то горьким, руки все время холодные. Надевает только все темное – юбки, туфли, чулки. Я попыталась это исправить и купила ей сарафан лимонного цвета. Мама разорвала его на лоскуты.

Вытащив маму из Марокко, где ее обнаружили на берегу моря после крушения корабля «Бельмонд», я сначала привезла ее в клинику Подмосковья. Надеюсь, что, когда сама ею займусь, эффект будет непременно. В Марокко просто лечить не умели или делали это неправильно. Однако релаксационная терапия и гипноз не дали эффекта. Фенамин в сочетании с антидепрессантами внезапно вогнал ее в такой ступор, что испугался даже врач. Стало понятно, что не в Марокко дело, далеко не в нем.

Тогда я назанимала денег и повезла маму в Швейцарию, чтобы показать одному светиле психиатрии. Три месяца в клинике, чудовищные долги, которые я теперь не знаю, как возвращать – и все ради того, чтобы услышать от светила: «Аутизм глубокий. Дело в том, что она вас потеряла и до сих пор не нашла. Вы находитесь возле нее, но она об этом не знает. И не узнает, возможно, до конца своих дней». Это даже не диагноз, а пуля в голову.

Я думала, что это конец. Да, я вытащила свою мать из могилы, но на кой, спрашивается, черт? Я езжу с ней везде, купаю, умываю, одеваю, кормлю, сажаю в кресло, пытаюсь приучить к телевизору. Первое время окружающие еще смотрели на меня понимающе, но после шестнадцати месяцев взирают уже с опаской. Однажды услышала: «Вот дура. Отдала бы в дом соответствующего адреса, там для таких место». Этот человек, не буду называть его фамилию, потом долго глотал воздух, когда я засадила ему под дых, и безуспешно просил прощения. Но его слова засели в голове. А может, и в самом деле? Может, я дура? Какого кентавра я таскаюсь с живым трупом, хороня заодно и себя?

В общем, современная психиатрия оказалась бессильна вернуть маму в сознание. И уж тем более не могла сделать ее такой, какой она была в прошлом. Та настоящая женщина больше не вернется. Я совершенно отчаялась. И тогда в одной древней рукописи я прочла о *тряпице*...

Ценностью является, конечно, не сам кусок льняной ткани, которому около двух тысяч лет, а то, что на нем начертано. С помощью этого текста я смогу вернуть разум матери. Я верю в это. Возможно, потому, что это последний шанс. Другого просто нет.

Я попросила Овчинникова, чтобы он вез меня прямо к бабушке. Нет смысла откладывать задуманное. Отложу до завтра, так ночь спать не буду. К тому же завтра на работу, отгулов нет, поездка в Камбоджу и так вышла за мой счет. Надо сделать это сегодня.

– За мамой твоей? – осторожно поинтересовался он.

– Ага.

Леха недовольно повел плечами. Отношения с моей мамой у него складывались странно. Я бы даже сказала – архизагадочно. Хотя мама не различала вокруг себя ни реальности, ни людей – Овчинникова она почему-то узнавала моментально. В первый день их знакомства случилось так, что я оставила эту парочку и комнате одних. Когда вернулась, Леха с ошарашенным видом прижимал маму к стене, припирая коленом и держа за руки. Я его тогда едва не убила. Позже выяснилось, что Леха не виноват. Мама пыталась расцарапать ему лицо, и он всего лишь защищался.

Со временем их антагонизм усиливался. Оказавшись рядом с Лехой, мама находила тысячу способов, чтобы нанести ему увечье. Толкала, пихала локтем, давала неожиданные зуботычины, дважды пыталась порезать: один раз ножом, второй – бутылочным осколком. Надо отдать Лехе должное, он стойчески переносил все невзгоды, но маму боялся как огня и старался контактировать с ней как можно реже.

На протяжении всего пути по Ленинградскому проспекту мы молчали. Когда подъехали к бабушкиному дому, возле подъезда я обнаружила реанимобиль «Скорой помощи». Водитель за рулем читал газету.

Что случилось? Неужели с кем-то из моих беда?

Оставив Леху в машине, я вбежала в подъезд. Второй этаж. Тридцать шесть ступенек. А запыхалась так, словно вскарабкалась на Эверест.

Дверь открыла соседка. Неулыбчивая, худая, с тонкими холодными пальцами. В свои шестьдесят три она живет одна, продолжает работать медсестрой в поликлинике, поэтому бабушка иногда к ней обращается, чтобы сделать укол или просто поинтересоваться, отчего болит голова. Тетю Таю я знаю с детства.

– Проходи, Алена, – сказала соседка. – Ты видела, что брюки на коленке разорвала?

– Видела. Спасибо.

Я вошла в прихожую, сняла кроссовки. Соседка закрыла за мной дверь. В гостиной включены все плафоны, и было светло, как солнечным днем, хотя за окном стояла темень. Мебель у бабушки еще с восьмидесятых годов прошлого века: полированный сервант, забитый книгами (я читала каждую из них), тахта, которая скрипит, стоит присесть на ее краешек. Стол накрыт вязаной скатертью, а на ней – букетик засохших цветов в керамической вазе. На окне еще цветы. Мир моего детства.

Когда я жила здесь, то занимала спальню. Но сейчас дверь в нее была закрыта. У двери стояла бабушка, как всегда аккуратно одетая и причесанная. Держа в руке рецепт, она негромко разговаривала с остролицей светловолосой женщиной в синей униформе «Скорой помощи». Женщина рассказывала, как часто надо принимать таблетки, и бросала осторожные взгляды на закрытую дверь.

Я дождалась, пока она закончит, чтобы обратить на себя внимание бабушки.

– А вот и моя внученька! – сказала она и поцеловала меня в щеку сухими губами. Ее взгляд сделался строже, когда она оглядела «внученьку» с ног до головы: – Ты где устряпала новые джинсы?

Я махнула рукой.

– Что случилось?

– Говори тише. Что ты раскричалась, как на базаре?

– Что случилось? – прошептала я.

– Захожу к ней в комнату, – ответила бабушка, указывая взглядом на закрытую дверь, – а она лежит и не двигается. Тело твердое, как камень. Я уж грешным делом подумала, что умерла. Так перепугалась, что вызвала всех, кто только в голову пришел.

Я тоже покосилась на дверь. Бабушка продолжала:

– Но врач говорит, что такой... простите, как вы сказали?

– Кататонический синдром, – быстро ответила остроликая женщина.

– Да, он... Характерен для людей, у которых подобное *maladie psychique*[1].

– А сейчас она как? – спросила я у врача.

– Сейчас нормально. Это был легкий приступ, он прошел... Извините, мне пора. Есть другие вызовы. А ее нужно положить в клинику для обследования.

Она ушла, деловито топая каблуками по затертому паркету. Мы с бабушкой остались перед дверью в спальню, шепчущиеся, словно два заговорщика.

– В клинику! – сказала бабушка. – Она думает, будто мы не знаем... Алена, ты случайно не брала мой лак для волос? Никак найти не могу.

– Я им не пользуюсь. Ба, я заберу маму.

– Зачем еще? – недовольно ответила маме[2].

Я едва не раскололась, что завтра привезу ей совершенно другую маму. Ту, которую мы обе помним и чьего возвращения так ждем... Только говорить ей это нельзя. Бабушка не только мне не поверит, но еще из дому не выпустит. Слава богу, она никогда не заикливается на одном вопросе, а задает их россыпью. Словно дробью стреляет – какой-нибудь да попадет в цель.

– Куда на ночь глядя? Как ты с ней поедешь в метро?

– Там внизу Лешка на машине. Он довезет.

Бабушка недовольно покачала головой, но отошла в сторону, освобождая мне дорогу. Оставшись перед дверью в одиночестве, я почувствовала себя неудобно. Словно мне шесть лет, я разбила вазу, в которую полезла за конфетами, и меня ждет серьезный разговор.

– Веди себя с ней кротко, – наставляла бабушка, оказавшись у меня над ухом, – не перечь ни в чем и не спорь. Лишнего не говори, лучше вообще помалкивай.

– Я все знаю, ба! – раздраженно ответила я и толкнула дверь.

По сравнению с гостиной в спальне было мрачно. Так мрачно, что на меня накатила тихая безотчетная паника. В углу горел синий торшер, отчего в комнате царил какой-то предгрозовой сумрак.

Мама сидела в кресле, прямо напротив входа. Расправив спину, с необъяснимой величием поднимая подбородок. Руки спокойно лежали на подлокотниках, широкие черные кружевные рукава походили на опущенные крылья птицы. Платье, тоже кружевное и темное, закрывает шею до самого подбородка. Лицо в тени, отчего казалось, что на его месте пустота. В фигуре мамы чувствовалось нечто темное и недоброе.

Я судорожно сглотнула.

– Мама, – осторожно позвала я.

Она не откликнулась. Никогда не откликается, хотя поворачивает голову на звук включившегося холодильника и кривится, слышав мяуканье бабушкиной кошки.

– Мама, это я. Я вернулась.

Она меня не услышала.

Овчинников успел задремать на руле. Услышав, как хлопнула дверь подъезда, он поднял голову. Придерживая маму под руку, я провела ее через двор и усадила на заднее сиденье прямо за Лехой.

– Не, так не пойдет, – сказал он.

– Что не пойдет?

– Не сажай за моей спиной. Ты не представляешь, как я ее боюсь.

– Алена... Где ты, Алenuшка? – протянула мама, страдальчески глядя на мои коленки.

– Ну вот, началось! – поморщился Овчинников.

Я пересадила маму подальше от Лехи, в противоположный конец салона. Сама села на переднее сиденье.

– Где ты, Алenuшка?

– Здесь я, здесь, – пробормотала я, думая совершенно не об этом.

От дома бабушки мы снова выехали на Ленинградку и взяли курс за пределы Москвы. Периодически Леха с опаской поглядывал на маму в зеркальце, но та вела себя тихо. Возможно, уснула, но по ней не поймешь. Она спит с открытыми глазами. Иногда бредит во сне. Говорит о прошлом. Но в эти моменты создается впечатление, словно этот бред она видит прямо сейчас, в режиме реального времени.

Двадцать один год назад в Средиземном море у берегов Испании потерпел крушение сухогруз «Бельмонд». Доподлинно неизвестно, что с ним произошло. Сухогруз бесследно исчез, а с берега люди наблюдали над морем зарево. Из нескольких десятков человек, которые находились на борту, выжили только трое. Одного из них я сейчас усадила на задний диван «копейки» подальше от Лехи. Это моя мать.

Она знает, что там случилось, она видела это. Вероятнее всего, она видела гибель моего отца, который и привез ее на борт сухогруза. Но докопаться до этих сведений невозможно. Я пыталась разобрать то, что она бормочет во сне, но ее фразы звучат как полный бред. Она говорит о страшном ветре и электрических трансформаторах, о несущейся смерти и черных знаках. Соединить все это в стройную осмысленную версию невозможно. Я пыталась.

– Ален, – подал голос Леха, – заходи ко мне завтра. Посидим, выпьем...

– Осточертело пить в одиночестве, Овчинников? Событьница понадобилась?

– Чаю выпьем, – поправился он.

– Вряд ли. Мне сейчас не до этого... И потом, знаю я твой чай!

Он устался на дорогу и больше ничего не сказал. А я вдруг ощутила на заднем сиденье какое-то движение. Прежде чем я успела повернуться, послышалось шипение газа, запахло цветами, а в следующую секунду Лехе под мышку выстрелила струя полыхающего лака для волос.

Леха отчаянно заорал. Я насмерть перепугалась, потому как его фланелевую рубашку охватили нешуточные языки пламени.

Реагируя на экстренную ситуацию, хотя, скорее всего, просто в истерике, Овчинников дал по тормозам, прижимая «жигуленок» к обочине. К одиннадцати часам на проспекте транспорта поубавилось, поэтому в аварию мы не попали. Я в тот момент еще успела подумать, что после сегодняшнего вечера теперь неделю не сяду даже на велосипед.

А с заднего сиденья последовала новая атака. Свежий «фаербол» врезался в Лехин рукав. Весь в огне, Леха кричал уже жалобно. Пламя от него поднималось высокое, жар разъял обивку салона на потолке. Нужно прекратить это безобразие, кто-то должен избавить Овчинникова от кремации заживо!

Естественно, что в качестве защитника выступила я.

Поток пены из огнетушителя вместо полыхающей рубахи сперва хлестанул по лицу.

Овчинников заорал уже безнадежно.

– Прости! Сейчас!

Я сместила прицел и снова вдавила тугой рычаг. Огнетушитель дернулся в руках, пушистая пена накрыла пламя, облизывающее рубаху, и поглотила его.

Леха замер. Выглядел он так, словно только что выбрался из пенистой ванны, в которую нырнул прямо в одежде.

Выставив баллончик перед собой, мама держала палец на кнопке, выпуская новую струю лака. В другой руке у нее была одноразовая китайская зажигалка. Мама ожесточенно чиркала ею, чтобы воспламенить газ и в третий раз устроить для Лехи аутодафе. Я успела выхватить баллончик прежде, чем вырвался оранжевый язычок.

Леха ожил. Он быстро выскочил из машины и стал прыгать по асфальту, стряхивая с себя пену и плюясь. Похоже, я набила ему полный рот. Я тоже вылезла на свежий воздух и распахнула дверь со стороны мамы.

Выглядела она страшно. Морщины углубились. Глаза бешеные и больные. Рот кривился от гнева. Впечатление такое, словно в нее вселилась зловещая потусторонняя тварь.

– Мама, ну что с тобой!

– Алена...

– Что, мама?

– Где ты, Алена?

– Да здесь я!

Овчинников выплюнул остатки пены изо рта.

– Ну, блин! В цирк ходить не надо! Чего я ей сделал, скажи? – Он наклонился к маме и прокричал ей в лицо: – Что я вам сделал?!!

– Не кричи на мою мать! – огрызнулась я.

– Алена? – поинтересовалась мама в две тысячи первый раз. – Где ты?

Леха схватился за голову, изображая «что я тут делаю?!», сделал несколько яростных шагов, затем вернулся к машине.

– Алена, признай, что я ангел!

– Это сильное утверждение, я должна над ним подумать. Ты ангел, потому что весь в белой пене?

– Потому что я еще терплю тебя и твою маму. И даже готов довезти вас обеих до бабушкиной дачи, только чтобы этот вечер наконец закончился!

– Хорошо, ты ангел. Правда, в тебе присутствуют элементы ангела падшего, но это ведь не меняет сути, которую ты желал услышать. Ведь так?

– Арьяварта! – раздалось из салона, где осталась мама. – Там Арьяварта! Арьяварта!!

Мы с Лехой разом повернули к ней головы. Мама переместилась на левую часть дивана и Лехиной авторучкой, которая раньше торчала на торпедо, черкала спинку водительского сиденья.

– Арьяварта! – провозгласила она.

– Ален, ну скажи ты ей, – взмолился Леха. – Она же мне испортит салон!

– Было бы что портить. – Я с коленками влезла на заднее сиденье и отвела мамину руку от «граффити»: – Мам, не надо, прошу тебя...

И осеклась.

Черканина имела вполне законченную форму. Тонкая вертикальная линия тянулась от основания спинки до подголовника, где заканчивалась ветвистым клубком, к изображению которого мама подошла с особым старанием. Мне на миг показалось, что в хаосе линий есть некий порядок, что в нем зашифровано послание... Но затем иллюзия развеялась. Я не видела ничего, кроме беспорядочных чернильных завитков.

– Мама, что это?

Ее взгляд беспокойно метался по салону.

– Арьяварта! Арьяварта!

Рядом со мной возникла физиономия Овчинникова. Он прижался к моему лицу колючей щетиной. На его подбородке оставался кусочек пены.

– Хм, – задумчиво произнес он. – На что-то похоже.

– На атомный взрыв, – предположила я.

Леха подумал и произнес:

– Не-а, ты не права. Это дерево.

А ведь в самом деле... Ну, Леха, головастый мужик!

Только после его указания я поняла, что вижу дерево. С тонким стволом и ветвистой кроной, вырисованной особенно кропотливо.

– Мама, что это? Зачем ты нарисовала дерево?

Мама откинулась на спинку. Взгляд заледенел. Добиться от нее признания невозможно. Мне ли это не знать.

Щитовой домик бабушки стоял в стороне от дачного поселка, в мрачном ельнике лесополосы, неподалеку от железнодорожной ветки. И если ночью поселок освещали фонари в проездах, то на бабушкиных четырех сотках стояла темнота.

Леха бросил машину на грунтовой дороге, заканчивавшейся перед ельником. Пока я отпирала калитку, возясь с замком в темноте, мама дотянулась до моего бывшего мужа и попыталась оставить его без левого уха. Так сильно дернула, что оно хрустнуло. Овчинников орал недолго, но после этого держался от нее в четких пяти шагах.

Путь от калитки до крыльца преодолели по грядкам. Было похоже, будто мы двигаемся через проросшие могильные холмики. Достанется мне потом от бабушки. Ну а что делать, если не нашла я тропинку в ее посадках. А не надо заросли устраивать!

В доме было зябко. Пахло сеном, пылью и стариковскими лекарствами. За окном окончательно стемнело, но я попросила Овчинникова не включать свет. Мне так нужно. Хватит отблеска кривого месяца из окошка.

– Почему ты сюда ее привезла? – опасно спросил Овчинников, когда я усадила маму на потертый диван.

– А ты предлагаешь делать это в многоквартирном доме, в центре Москвы? Может так шибануть, что людей придется из-под завалов вытаскивать.

Мама сидела прямо, не касаясь спинки дивана. Такая худая, что больно смотреть. Впрочем, я такая же, только в плечах и спине пошире. Убедившись, что она не собирается вставать, я достала из шкафчика свечу.

– Можешь ехать, – сказала я Овчинникову, поджигая восковую нить отсыревшей, плохо горящей спичкой. – Хотя я срывалась на тебе сегодня, но, видимо, хотела этим сказать, что бесконечно благодарна за помощь.

– А можно мне остаться?

– Нечего тебе здесь делать. Уезжай.

– Все равно я опоздал, куда мне надо было. И потом, я хочу посмотреть на твое колдовство.

– Это не колдовство! Это... Ну как ты... Ничего ты не понимаешь!

– Ладно, ладно. Не кипятись, Баль.

Выпустив воздух сквозь сжатые зубы, я бережно вытащила из кармана тряпицу. Пять строк замысловатых символов предстали перед глазами в дрожащем пламени свечи. Это не колдовство. Не знаю, поверите ли вы, но это неважно, потому что, как сказал Глеб Кириллович, главное, чтобы верила я.

И я верю.

Давным-давно, еще до Шумера и Древнего Египта, на Земле существовала могущественная цивилизация *прелюдий*. Их еще называют атлантами и лемурийцами. Их жизнь протекала в тесном контакте с природой и по ее законам. Их языком был санскрит – тот самый, который в Индии называют языком богов. Ученые-лингвисты считают его праязыком, от которого произошли все современные языки человечества. Корни санскрита находят везде, начиная от Европы и заканчивая пушту и панджаби. В русском, кстати, есть потрясающие примеры: «когда» – «kadA», «путник» – «pathika», «дом» – «dham», «вода» – «vaja», «жена» – «jani», «мать» – «mAtR».

На мой взгляд, такое заимствование далеко не случайно. Издревле слова считались не только средством передачи информации от человека к человеку. Шаманы и знахари использовали их для разного рода магических заклинаний. Мне трудно сказать, насколько успешно это у них получалось, но какие-то корни языка прелюдий, какие-то древние фразы и интонации они озвучивали правильно. И природа откликалась на этот зов, и происходили чудеса, сведения о которых дошли до нашего времени в форме преданий и сказок. Я сама дважды сталкивалась с фразами истинного языка. Потрясающие впечатления. Произнесенное с особой интонацией единственное слово вливалось в мир и что-то меняло в нем. Двигало предметы, шевелило кости мертвых.

Биологи и физики сейчас все больше задумываются над тем, что колебания звуковых волн могут улавливаться травой, листьями, деревьями, камнями – всем тем, что нас окружает. Ученые пытаются поймать эти связи, зарегистрировать приборами, хотя такие воздействия ничтожны. Но что, если это только низший уровень? Что, если колебания, вызываемые голосовыми связками, могут сливаться с естественными гармониками пространства, усиливать их и концентрировать в определенной точке? В результате происходит то, что не поддается объяснению. Телекинез, полтергейст, психометрия[3]... Прелюдийский санскрит – эссенция звуков. Собрание воедино самых могучих слов, воздействующих на окружающий мир. Невероятно точный инструмент управления природой.

Человек является частью природы, поэтому магия древних слов воздействует и на него. В речах наших собеседников иногда проскальзывают отголоски и тональность тех великих слов древности (все-таки основные корни заимствованы из санскрита). И мы чувствуем в себе изменение, хотя не всегда можем понять, что явилось для него толчком. Слова и тон, которым они сказаны, проникают в нас помимо нашего желания. И вдруг поднимается настроение, приходит ясность ума, а душа взлетает. Острее всего это проявляется при знакомстве с мифами, просмотре фильмов и прослушивании музыки.

Эффект звукового воздействия уже применяется для лечения. Я говорю о музыке. Музыкальная терапия часто используется для снятия стрессов, для лечения нарушений сна и нервных болезней. Могу предположить, что здесь человек опять использовал магическую силу прелюдийского санскрита. Ведь музыка не просто близка ему, она является его частью. Потому что санскрит это не монотонное бормотание, а волшебная песнь. Иероглифы образуют слова, передающие смысл, но кроме этого они рисуются в форме нот.

Проблема в том, что настоящий прелюдийский санскрит давно забыт и потерян. Могучие фразы разбиты, а осколки рассыпались по всему миру, влились в разные языки и видоизменились. Восстановить их не представляется возможным. Носители языка, прелюдии, давно оставили наш мир. Шаманы и колдуны пытаются воспроизвести те великие слова, но чем больше проходит времени, тем сомнительней их успехи. Полагаю, что дальше всех в изучении основ праязыка продвинулась я. Я долго изучала его по священным текстам индийских брахманов. Это тоже санскрит, только упрощенный. И в нем нет фраз, которые будят природу. Где искать такие? Где они спрятаны? Не потеряны ли они навсегда?

И тогда я наткнулась на легенду о Будде, который излечил полоумного бродягу...

– Пожевать тут ничего нет? – раздался Лехин голос из темноты. – А то во рту сегодня даже крошки не было.

– Не знаю... на кухне поищи... не мешай.

Я несколько раз пробежала взглядом по строкам, заучивая слова, чтобы произнести их без запинки. Леха за перегородкой загремел посудой, затем затих, после чего я услышала приглушенный хруст. Что-то нашел.

Мама на диване стала раскачиваться взад-вперед. Овчинников вновь появился в комнате, хрупая сухарем.

– Заморил червячка?

- Если взглянуть с философской стороны... Да, в общем, с любой стороны – заморил.
- Тогда превратись в статую.
- Сделано.

Я некоторое время задумчиво смотрела на его темный силуэт.

– Сейчас я начну говорить на другом языке. Если что-то в моих словах тебе покажется забавным или смешным – не вздумай пикнуть. Если увидишь что-то необычное – дрожь пола, движение предметов, странные свечения – ради бога, молчи и не рыпайся. А еще ты можешь услышать звуки, странные голоса, почувствовать тошноту, головокружение. Держи себя в руках, не сходи с места и продолжай представлять себя статуей. Иначе хуже будет всем. Вопросы есть?

– Нету, – ответил заинтригованный Леха.

Легенда гласит, что возле Магадхи Буддца Шакьямуни однажды встретил бродягу, потерявшего рассудок. Свидетели утверждают, что Буддца остановился возле него, пристально посмотрел на человека, словно заглянув в его голову. А затем произнес несколько фраз, которые никто не понял, но после которых случилось чудо. К человеку вернулся разум. Свидетелем этого события стал ученый брахман Шарипутра. Он максимально точно записал произнесенные Буддой слова. По моим сведениям, на этой самой тряпице.

Наше сознание – хрупкая штука. Маленькая лодка в огромном бессознательном море, заполняющем голову. Лодка моей мамы сбилась с курса и ушла во тьму. Она потерялась и блуждает где-то там, далеко от берега, между мутных образов сновидений и жутковатых архетипов души. Для того чтобы она нашла путь назад, я зажгу маяк. Я использую изначальные, древние слова прелюдийского санскрита, которые использовал Будда. Они станут светом, который пробьет тьму в ее разуме и вернет лодку к берегу.

Я повернулась к маме и опустила перед ней на колени. Огонек свечи отражался в ее темных глазах.

– Алена, – позвала она.

Я ощутила укол в сердце. Овчинников в дверях неловко кашлянул и переступил с ноги на ногу.

Я взяла маму за руки и попыталась сосредоточиться, отрешиться от всего. От Овчинникова, который конечно же мешал. От лезущей в нос пыли и запаха валокордина. Я попыталась забыть про щитовой домик, в котором мы расположились. Я должна сконцентрироваться только на словах. На их произношении, на мелодии, которую они образуют. Мне придется петь. Я должна вложить в пение всю душу, всю себя – от далеких воспоминаний о детстве до невыносимой тоски, которую испытываю сейчас по матери.

Я начала с первой строки и начала очень удачно. Тихое горестное пение вдруг возникло из пустоты и, казалось, принадлежало не мне. Овчинников от удивления разинул рот с недожеванным сухарем.

А я пропела текст до конца и, не останавливаясь, пошла по второму кругу. Запела громче, увеличивая темп и добиваясь неразрывности мелодии. Мама попыталась выдернуть руки, но я крепко их сжимала. Я продолжала петь, глядя в ее заслезившиеся глаза. Будда своим пением избавил бродягу от сумрака сознания. Слова бывшего принца влились в человека и вылечили его разум. Я верю, что могу сделать то же самое.

После четвертого повтора текста я вдруг обнаружила, что стены и пол прошла вибрация. Мама перестала вырываться и смотрела куда-то за мое плечо. Овчинников в дверном проеме превратился в реальную гипсовую статую – настолько побелело его лицо. Ободренная успехом, я запела максимально громко, выкладываясь до сладостной дрожи, пронзающей внутренности.

Стены и пол тряслись уже нешуточно. Из-под земли донесся рокот. Стол медленно поехал по полу, стоявшая на нем вазочка с сухими цветами опрокинулась. Звенели тарелки

на кухне. Цокала забытая где-то ложечка в стакане. Я чувствовала, что цель близка. Только не останавливаться, только не терять это чувство...

По глазам резанул пронзительный свет. От неожиданности я выпустила мамины руки и свалилась на пол. В голову ворвался нестерпимый грохот...

– Поезд, – сказал Овчинников, глянув в окно. – Товарняк.

Я обессиленно прислонилась к шкафу. В теле не осталось ни капли сил, ни грамма эмоций. Сжатая в кулаке тряпица, пять минут назад наполненная силой, теперь выглядела как обычный носовой платок.

– Аленушка, – произнесла мама. – Где ты? Почему ты покинула меня?

Охватило такое горькое разочарование, что захотелось заорать во все горло. Ничего не вышло. Ничегошеньки! А я так надеялась... Эти фразы с тряпицы оказались не действеннее оправданий пятиклассника. Может, я буквы перепутала? Или ошиблась в интонациях? Нет. Невозможно. Я штудирую санскрит каждый день. Я не могла ошибиться.

– А ты неплохо пела, – сказал Овчинников. – Как Катя Лель. Может, тебе на эстраду податься?

– Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Я вскочила с пола и бросилась на улицу. Уже оказавшись снаружи, вновь помяла бабушкины грядки. Куда я бегу? Да куда угодно, лишь бы очутиться подальше от тесной комнаты, где сидит чужая для меня женщина и где я потерпела жесточайшее поражение.

На пути оказалась веранда, которую дедушка соорудил для летних чаепитий. Я влетела на нее. Товарняк, груженный по самое не хочу, исчез вдаль, звук стучащих по стыкам колес постепенно стихал. Я припала к реечной решетке и уставилась в темноту, слушая этот звук.

Чудес не бывает. Можно мечтать о многом. Стремление к вершинам позволяет достичь невероятных успехов. Можно стать звездой поп-музыки, кассовым актером всех времен и народов, занять кресло президента газового концерна или просто получить прибавку к жалованью. Но есть вещи, которые невозможно осуществить ни в этой жизни, ни в какой другой. Я должна это понять. Нужно отказаться от иллюзий, в которых я плаваю последние полтора года, как в аквариуме. Нельзя изменить сознание при помощи слов. И уж тем более – никакие звуки из чрева человека не могут изменить окружающий мир. Что за глупость! Магии не существует. Все, что я нагородила про санскрит – чепуха и околесица. Легенда о Будде – очередная сказка.

Мне захотелось, чтобы под рукой очутился толстый учебник санскрита, чтобы запулить его подальше в темноту ельника. Жаль, нет его под рукой. А так бы сорвала на нем злость.

Я заплакала.

Сзади незаметно подошел Леха и дотронулся до плеча. Я уткнулась лицом ему в грудь, слезы промочили его рубашку насквозь. Какой он все-таки хороший, мой Лешка. Пил бы меньше – была бы его навеки.

Он обнял меня, а потом, кажется, поцеловал. Робко так, необычно для него. А потом... что же было потом? Я ничего не помню.

Глава 3

Веселенький юбилей Семена Капитоновича

После дикого сеанса психотерапии прошло около трех недель. За это время я написала отчет по малоизвестному трактату Плутарха, продублировала в нескольких сценах актрису на съемках фильма «Скалолазка и Последний из седьмой колыбели». О чем фильм, правда, так и не поняла. Про роддом, что ли? При чем там скалолазка?

Леху я почти не видела с того раза. Он много работал, у них в конце месяца много бумажных хвостов вылезает... А может, пил. С него станется окунуться в это занятие с головой.

Маме стало хуже. Если раньше она ела самостоятельно, то теперь потеряла к пище всякий интерес, поэтому ее приходилось кормить насильно. А еще она стала закрывать лицо бабушкиной шалью. Я читала об этом.

В древности в жизни каждой молодой девушки происходил обряд ритуальной смерти, символизирующий окончание девичества и вступление во взрослую жизнь. Ее облачали в белый похоронный саван, а лицо закрывали материей, пряча его от посторонних глаз. Родственники и близкие плакали и прощались с ней... Этот ритуал проводится до сих пор, возможно, вы о нем слышали. Его называют свадьбой. В наше время мрачная инициация приняла атмосферу праздника. Саван частично утратил первоначальную функцию и стал просто красивым свадебным платьем с фатой. Но в случае с мамой не было намеков на праздник. Шаль, которую она натягивала на лицо, выглядела настоящим саваном. Я не знала, что с этим делать.

Жизнь неспешно текла, неуклонно двигаясь к роковой дате семнадцатое июля. В этот день мой начальник Семен Капитонович справлял юбилей. Ему исполнилось шестьдесят пять. Хорошая дата, но речь не о ней. В тот день случилась катастрофа, которая перетряхнула мою жизнь основательней, чем когда бы то ни было.

Я не хотела идти на юбилей, не с кем было маму оставить, потому что бабушка жила на даче – той, что возле железнодорожной ветки, по которой гуляют груженные товарные составы. Но Семен Капитонович сказал, чтобы я приходила вместе с мамой. И мне будет легче, и она развеется.

Справляли в Кунцево, в каком-то кафе, переделанном из заводской столовой. Столы были составлены буквой «Т», причем юбиляр почему-то восседал у ее основания. Маму я посадила между собой и Верой Шабровой, с которой мы тысячу лет назад пережили невероятные приключения во Франции и Новой Зеландии. Мама ничего не ела, а только водила по сторонам диковатым взглядом, пугая гостей. Впрочем, в остальном она вела себя смирно.

Когда прозвучал второй тост за здоровье юбиляра и опрометчивое пожелание «еще долгих, долгих лет руководящей работы», вызвавшее икоту у директора, у меня в сумке зазвонил телефон.

– Ален, ты где сейчас?

Голос Овчинникова из трубки звучал немного взволнованно.

– На юбилее у своего начальника, – ответила я, заткнув мизинцем левое ухо, потому как в зале грянуло: «Пейдодна! Пейдодна!»

– У Семена Капитоновича?

– Что?.. А, да.

– Я сейчас приеду. Нужно с тобой срочно поговорить. Где это?

Я объяснила. Он повесил трубку, даже не попрощавшись. Вот чудной!

Прошло часа два, за окнами стемнело. Зажглись фонари и окна многоэтажек. Признаться, я даже забыла про Лехин звонок. Было весело и шумно, еда не кончалась – прямо как у героев, пирующих в Вальхалле. Несколько раз под всевозможные тосты я опрокидывала в себя содержимое бокалов. Потом отдельно выпила с Верой, отдельно с Шурой Дементьевой,

отдельно с незнакомым брюхатым человеком, который не знаю кто такой. Потом меня заставил себя уважить сам юбиляр... Когда поддатый тамада остервенело впился в клавиши гармони, ноги потянули меня из-за стола в пляс.

Выбивая каблуками из линолеума всю душу под «семь-сорок», я заметила в дверях знакомое Лешкино лицо. Оставив пляшущий круг, вся разгоряченная, я подошла к нему неровной походкой.

– Ты каким ветром? – с искренним изумлением спросила я.

– Умеренным, с порывами... Я ж тебе звонил!

– Ах да!

Мы стояли возле пустого гардероба. Леха был в пиджаке и при галстукке, нарядный такой. Симпатичный до чертиков. Мне сразу захотелось, чтобы он пригласил меня потанцевать.

– Слушай, я вот чего...

– Ой, я забыла о маме! Надо проверить, как она там.

Я выглянула в шумный двигающийся зал, при этом меня качнуло.

– Да вон она, вместе с Верой. Алена, выслушай меня!

Я обернулась к нему. Он выглядел взволнованным. Покусывал нижнюю губу, мял пальцы.

– Ты это... я тут долго думал и решил... выходи за меня замуж.

И посмотрел на меня очень искренне. Пожалуй, впервые за долгое время я не нашла в его взгляде ни издевки, ни насмешки.

Из зала лилась гармонь. Я тупо пялилась на неровно завязанный узел его галстука и пыталась понять, что подвигло Леху на такое заявление, но никак не могла сосредоточиться. Поэтому единственное, что я произнесла в ответ:

– Как... опять?

– Я понял, что люблю только тебя.

Все вино, которое я выпила сегодняшним вечером, разом ударило в голову. Ничего себе он выкатил!

– Ты с ума сошел, Овчинников.

– Нет, я все обдумал. Вот смотри. Мы уже давно разошлись, но все равно постоянно вместе. Мы не можем жить друг без друга. Для себя я это понял. Теперь хочу убедить тебя.

– Я не могу снова за тебя замуж.

– Почему?!

– Ну не знаю... так не бывает. Люди если расходятся, то насовсем. А у нас с тобой что получается? Поженились, развелись, снова поженились – прям анекдот!

– Мне в следующем году квартиру обещают. И перевод на перспективную работу, можно сказать, повышение...

– Нет, ты не понимаешь. Все это мы уже проходили. Когда мы поженились, то были полны надежд и планов. Потом они развеялись. Снова погрузиться в них? Для меня это как надеть вчерашние трусики...

Леха напряженно сощурился, словно в глаз угодила соринка.

Господи, что я несу?

– Извини, ужасное сравнение. Просто я хотела сказать, что мне хочется чего-то нового, свежего, чистого...

– Я новый, свежий и чистый, – холодно ответил он.

– Сомневаюсь. Я этого не ощущаю. Все осталось по-старому. И потом, чувства... они должны измениться не только в тебе, но и во мне...

– Они изменились. Иначе не было бы того, что произошло между нами на даче! Все это не просто так! Ты любишь меня и хочешь быть со мной, только почему-то кривляешься.

Вот как? Он думает, что знает обо мне больше, чем знаю я сама!

Меня это разозлило. Кровь прихлынула к лицу.

– Ты слишком самоуверенный тип.

– Да? – завелся он. – И кто это мне говорит? Та самая Алена Баль, которая пением букв совершает переворот в современной психотерапии?

Он использовал запрещенный прием. Я моментально протрезвела, грудь наполнилась холодной яростью.

– Верни костюм в пункт проката и больше не трать деньги на ерунду. Владелец магазина «Винный мир» уже заждался своего постоянного клиента. Ему как раз не хватает последней сотни на новый «порш», на который он скопил с твоих денег!

– Когда ты в следующий раз попросишь встретить тебя в аэропорту, то будешь очень удивлена, потому что вместо меня на парковку подъедет вот такая фига!

Он растопырил руки, пытаясь изобразить размер.

– Вали отсюда, Овчинников, – сказала я, – не порти людям праздник.

– Уже отвалил. И можешь не сомневаться, больше не привалю! – Он театрально повернулся ко мне спиной и решительно направился к выходу. Но, сделав два шага, вернулся назад и продекларировал:

– Значит, я остался прежним? Как вчерашние трусики? Что ж, желаю удачных поисков нового и свежего белья!

Теперь он точно собирался уйти и непременно ушел бы, если бы не натолкнулся в дверях на возвращающегося с улицы юбиляра.

Семен Капитонович был добр, пьян и сочился радушием.

– Лешенька! Как хорошо, что ты пришел!

Мой руководитель знает меня буквально с институтских пеленок и был на моей свадьбе. Неудивительно, что он знаком с Лехой.

– Здравствуйте, Семен Капитонович. Поздравляю вас.

– А ты проходи, садись за стол.

– Нет, спасибо! – буркнул Овчинников. – Мне некогда, у меня дела.

– Интересно, какие такие дела? Неужто они более важные, чем мои шестьдесят пять, которые бывают один раз в жизни!

Леха замер на секунду. А затем так улыбнулся Семену Капитоновичу, что у меня свело желудок. Чтоб я никогда больше не лазала по горам – эта сатанинская улыбка предназначалась для меня.

Я вернулась за стол. Семен Капитонович усадил Леху на свободное место в другой части стола. Я старалась не смотреть в его сторону, а занялась мамой, которая пальцами катала по тарелке красную икру, словно играя в автогонки.

– Лешка пришел? – удивленно спросила Вера.

Я коротко глянула на Овчинникова, который с ходу вписался в коллектив и опрокинул три стопки подряд.

– Ага, – тяжело ответила я. – Пришел.

– А чего это он пьет?

– Боже мой, он пьет! – притворно охнула я, хлопнув ладонями по щекам. – Какое откровение! Вера, ты, как настоящая подруга, раскрыла мне глаза.

Вера некоторое время с сомнением смотрела на Леху.

– В том-то и дело, – сказала она. – У меня дядя работает у них в отделении милиции. Так он говорит, что Лешка полгода как завязал.

Теперь настала моя очередь воззриться на Овчинникова, который на другом конце стола, вздернув стопку к потолку, изрекал какой-то длинный красноречивый тост. Пиджак висел на спинке стула, галстук съехал набок. Сам он выглядел уже порядком поддатым.

– Целых полгода ни капли в рот не брал, – говорила Вера. – На всех вечеринках и шашлыках сидел в сторонке и потягивал минералку. Говорят, даже не кодировался. Просто ска-

зал, что больше не будет. Ему все поражаются. Более того, на работе стали больше ценить. Он единственный, кто у них английским хорошо владеет, поэтому ему повышение предлагают, что-то с Интерполом связанное.

Я отвернулась от Овчинникова и стала кормить маму салатом. Но Леха не вылезал из головы да еще рябил в глазах. Его было видно, пожалуй, из любого конца зала. Эдакий яркий, балагурный – он привлекал внимание всех гостей. Чтобы отвлечься от него (а может, чтобы досадить), я пригласила на медленный танец скупающего мужчину, который сидел рядом с матерью Семена Капитоновича – глухой девяностолетней старухой.

Танцую с ним, я вдруг обнаружила, что мужчина очень даже ничего. Подтянутый, крепкий. Практически принц, только волос на голове сохранилось немного. Он все время их поправлял, чтобы не обнажалась лысина.

– Я поддерживаю форму, – говорил он. – Бег каждое утро, три раза в неделю тренажерный зал. Правильное питание. И никакого алкоголя – это мое правило!

– А вы кто Семену Капитоновичу?

– Племянник. Двоюродный... Вообще я считаю, что мужчина должен уметь постоять за себя. И защитить женщину, которая с ним... Кстати, вы замужем?

– Нет, – ответила я, глядя на Леху. – Не замужем.

Овчинников уже сидел один. Он, несомненно, знал, где я нахожусь, потому что демонстративно не смотрел в нашу сторону. Угрюмо чокнувшись с графином, он опрокинул очередную стопку. Добром это не кончится. Я должна что-то предпринять, остановить Овчинникова, пока он еще соображает. Потому что когда он перестанет соображать, то упьется в бревно.

Медленный танец закончился, и я решила подойти к нему, но «почти принц» утащил меня на свежий воздух.

Маленькую улицу, обрамленную тополями, освещал ряд фонарей. Справа возвышалось какое-то производственное здание, снаружи освещенное прожекторами и похожее на гору. Вдалеке горели окна многоэтажек Кутузовского проспекта и сияла неоновая реклама.

Перед входом, над которым светилась огромная вывеска «К...фе», пахло табаком. Кто-то из наших здесь курил, вон даже чинарики в урне остались. По аллее гуляла парочка влюбленных с включенным радиоприемником и дама с болонкой на поводке.

«Принц» полез обниматься.

– А ты крепкая, – сказал он, жарко дыша в ухо. – Аэробикой занимаешься?

– Кое-чем другим, – ответила я, отпихивая его локтем.

– Что такая грустная? – не унимался он. – Если кто обижает, ты мне скажи. Я разберусь.

– Очень мило с вашей стороны.

– Ага, ложись на меня. Или ложись. Га-га-га!!

Он попытался поцеловать меня, но я выскользнула из объятий.

– Какие цветы! – восхитилась я тюльпанами, посаженными на газоне перед зданием бывшей столовой.

От тюльпанов действительно шел одуряющий запах. Я протянула руку и сорвала один...

В ту же секунду вывеска «К. фе» над нами погасла, а следом исчез свет в столовой. Магнитофонная музыка оборвалась на середине куплета. Из темного зала, где проходило торжество, раздался свист, как в кинотеатре, и пьяные крики «Э-э! Чубайс, верни свет!», разбавленные женским хохотом.

А нам, находившимся снаружи, было не до хохота. Из радиоприемника влюбленной парочки слышался только треск, сколько они ни вращали колесико настройки. Болонка залилась сумасшедшим тьявканьем, а ее хозяйка испуганно воскликнула:

– Смотрите! Смотрите!

Сначала погасли фонари на нашей улице. Следом за ними вырубилась прожекторы, освещавшие фасад производственного здания. А затем свет пропал в многоэтажках Кутузовского

проспекта. На моих глазах Москва квартал за кварталом погружалась во тьму. Стоя с тюльпаном в руке, я чувствовала, как в меня вползает липкий страх.

Гости высыпали из кафе. Я видела только их темные силуэты. Кто-то освещал пространство перед собой зажигалками и подожженными салфетками, но эта кустарщина не развеивала мрак, в который погрузилась столица. Никто больше не свистел, страх вошел и в трезвого, и в пьяного, когда они увидели, что творится вокруг.

Из-за производственного здания послышался шум. Сначала тихий и далекий, он усиливался, превращаясь в грохот, к которому добавился почти животный вой. Кто-то помянул про ураган. Не знаю. В кромешной тьме эти звуки казались предвестниками смерти. Я не верю в предрассудки, хотя случалось сталкиваться с неведомым и таинственным. Но эти звуки отдавали первобытным ужасом, от которого стыла кровь.

– Боишься? Не бойся! – обнадежил меня «принц». – Подумаешь, свет пропал. Подстанция накрылась.

Хотелось бы в это верить. Всеми фибрами души. Но внезапно поднявшийся ветер разбил в прах зыбкие надежды.

Вздрогнула почва, словно при землетрясении. Из недр столовой донесся звон разбитого стекла – чей-то фужер соскользнул на пол. Глаза привыкли к темноте, и я стала различать людей вокруг себя. Вот Семен Капитонович, носится среди гостей, пытаюсь всех успокоить. Вот Леха... да, кажется, он... оперся спиной на стену, потому что с трудом стоит на ногах. Вот Верочка Шаброва, умничка такая, держит за руку мою маму...

Мама смотрела на небо. Туда, откуда раздавался грохот. Мне было трудно разглядеть ее лицо, но почему-то я была уверена, что она точно знает, что должна увидеть.

Я снова глянула на небо, но ничего толком не разобрала, потому что внезапно ударил порыв ветра. Он расстегнул чей-то пиджак, сорвал платок с женской головы, даже повалил кого-то на асфальт.

Меня толкнуло в грудь, и я опрокинулась на газон с тюльпанами. Поломала многие стебли и испачкала руки в земле. Вой и грохот, идущие с неба, заглушили все вокруг. Из-за здания кафе, загородив звезды, выплыла темная громадная туша.

Новоявленный принц, который зачесывал на лысину редкие волосы и обещал разобраться с теми, кто попробует меня обидеть, дал деру, едва летающий монстр завис над площадкой перед столовой. Видимо, слово «разобраться» обладает именно таким смыслом, одна я по наивности думала, что оно означает защиту.

Гости бросились врассыпную, потому что эта штука в темном небе, громяющая, как сатанинская колесница, повергла в панику и шок. Вскоре перед кафе осталось лишь трое. Девушка, лежащая в цветах, то есть я. Застывшая словно соляной столб мама; ветер задирает подол ее платья и едва не унес косынку с плеча. И еще остался гость по имени Леха, который был пьян и в силу этого не мог оторваться от стены.

Темная летающая машина стала опускаться на площадку перед кафе. Раздался треск ветвей, поломанных тяжелым бортом. Все-таки это был вертолет, но с неосвещенной кабиной и без прожекторов.

Когда шасси коснулись асфальта, люк на борту отодвинулся и из него появился человек. Я тотчас узнала его, несмотря на темноту. Валящий с ног ураганный ветер не причинял ему неудобств, а отсутствие света беспокоило не больше, чем неурожай в Ямало-Ненецком автономном округе. Он шел твердо, целеустремленно, ничего не боясь.

Левиафан направлялся ко мне.

Могучий, жуткий, но не обликом, который сейчас не разглядеть, а исходящим от него ужасом, проникающим в тебя и сковывающим члены. Темной аурой, над которой витает знакомый запах одеколona. Когда-то нравившийся мне, сейчас он занимает место в памяти рядом

с образами маньяков из подъезда и ночных чудовищ. Если что-то в окружающем мире напоминает мне этот запах, я неосознанно пытаюсь бежать или спрятаться.

Когда Левиафан проходил мимо мамы, их взгляды встретились. На какой-то миг мне показалось, что они знакомы. Стоп. Конечно! Моя мама столкнулась с ним на сухогрузе «Бельмонд». Она вообще многое видела и знает, только эти знания закопаны в ее голове.

Занятая этими мыслями, я не заметила, как Левиафан очутился рядом. Обнаружив его над собой, от страха я не могла пошевелиться. Еще вчера события, связанные с ним, казались далекими и не из этого мира. А сейчас они резко вернулись в мою жизнь, и я даже не представляла, что будет дальше.

Лопастей вертолета вращались с грохотом. Каждый удар по воздуху бил по моей голове и мыслям. Воздух выл диким зверем. Левиафан поглядел на меня сверху вниз, и я опять не увидела его лица.

– Я пришел за тобой.

Адский грохот не заглушил его слов, хотя мне очень хотелось, чтобы так случилось.

Он наклонился и взял мое запястье. Вмиг внутри меня все умерло. Он пришел за мной, как и обещал Глеб Кириллович.

– Пожалуйста, не надо! – взмолилась я.

Легко, без малейших усилий, он поднял меня на плечо. Мама согнулась в поясе и испустила истеричный вопль, словно пыталась прогнать им демона, похищающего меня у нее на глазах. Левиафан коротко взглянул на нее. И, больше не обращая внимания, направился к люку твердой походкой.

Парализованная ужасом и только вращая глазами, я вдруг увидела, как Овчинников оторвался от стены кафе. Не знаю, что он собирался сделать, но в его движениях читалась решимость.

Он бросился к нам.

Левиафан притормозил, чтобы взглянуть на Леху. Видать, ему стало интересно.

Сделав несколько шагов, Леха повалился на асфальт. Для решительных действий он был слишком пьян, и ноги не удержали его. Левиафан разочарованно отвернулся, продолжив путь к вертолету. А я смотрела на Овчинникова. И видела, что, когда он поднял голову, глядя нам вслед, на его лице блеснули слезы. Он скреб руками асфальт, пытаясь ползти, но сделать что-либо с таким количеством алкоголя в крови было невозможно. И он это понимал. Потому и плакал.

Левиафан вошел в люк, и я потеряла Лешку из вида, погрузившись во тьму. Сквозь клетку лопастей я услышала отчаянный мамин крик, который впервые за долгое время оказался уместным:

– Алена-а! За что тебя отняли у меня?

Кто-то захлопнул люк. Я лежала на холодном полу, в непроглядной тьме, не в силах пошевелиться. Словно в гробу, опущенном в землю.

Тело налилось тяжестью.

Вертолет оторвался от земли.

– Зачем я вам понадобилась? – спросила я, обращаясь к темной пустоте вокруг себя. – Я ничего не ишу и не стою на вашем пути! Отпустите меня!

Пустота ответила гнетущим молчанием.

Чьи-то холодные неприятные пальцы ошупали мою левую руку и поймали локтевой сгиб. Спустя секунду ледяная игла проткнула вену. Последнее, что я помню, прежде чем смежились веки, – как в груди захватывало дух от быстрого подъема.

Глава 4

Погружение в храм

Первое, что я ощутила, когда очнулась, но еще не открыла глаза, – застоялый привкус вина во рту и ломоту в голове. Череп изнутри словно раздвигали раскаленные струбины. Ну я и набралась вчера на юбилее! Организм не вынес алкогольной перегрузки и перевел меня в режим Stand buy, наименьшего потребления энергии. Обычно я пью немного, чисто символически. Но вчера это было что-то. Упила до чертиков. Даже привиделось, будто по всей Москве перебой с электричеством, а меня похитил Левиафан на черном вертолете! Воистину у моего бессознательного бурная фантазия.

Впрочем, когда я разлепила веки, стало понятно, что я заблуждаюсь. У меня действительно бурная фантазия, и она еще порадует меня кошмарами собственного производства. Но только не сегодня. В этот раз все было реальным. И пропавшее электричество, и Левиафан, и вертолет, на котором мы взлетели... Правда, сейчас мы больше не летели.

Мы ехали.

Стояла ночь. Надо мной простиралось небо без звезд. Справа и слева проплывали угрюмые скалы, неразличимые в темноте. Я сидела в кузове широкого автомобиля, кажется, «хаммера». Он карабкался по кочковатой дороге, освещая ее фарами. Рядом со мной восседали четверо. В темноте поблескивали только белки глаз. Стволы автоматических винтовок на коленях смотрели на меня. Левиафана среди них не было.

Я пошевелилась. Хрустнули шейные позвонки. Интересно, давно я так сижу? Наверное, давно, потому что затекли руки. Я попыталась их развести и обнаружила, что не могу этого сделать. Запястья стянуты пластиковой полоской.

– В себя пришла? – спросил один из боевиков по-английски. Я различила его крупный, почта квадратный череп, обритый наголо.

– Вроде бы, – пробормотала я. – Куда мы едем?

– Не разговаривать.

Я обиделась. Не сильно, слегка.

– Опасаетесь, что заговорю вас до смерти?

Мне показалось, что человек с квадратным черепом усмехнулся.

– Не велено с тобой разговаривать.

А меня, оказывается, боятся! Интересно, кем меня представил этим ребятам Том Кларк? Небось настоящей Медузой Горгоной, которая непременно обратит человека в камень, если не запулить ей в лоб амулетом в виде свинцового жука. Вот так рождаются легенды. Ну случилось пару раз уходить от погони, но ведь я не дьяволица и не сверхчеловек.

Я помассировала руки, насколько это возможно при скованных запястьях. Еще раз поглядела на скалы, пытаюсь найти в них поддержку для души. Но в темноте не видно даже их контуров, а потому скалолазного вдохновения во мне не поднялось. Зато я вдруг поняла, что страшно хочу есть. Аж кишки все выворачивает.

– У вас не найдется чего-нибудь пожевать? – обратилась я к военному, который разговаривал со мной. – Сил нет, как хочется есть!

Он подумал, покопался в кармане, затем протянул мне что-то в хрустящей упаковке. Оказались галеты. Я содрала обертку зубами и стала засовывать плитки в рот одну за другой. Возможно, при этом неприлично хрупала и чавкала, а также подхватывала ломтики, вываливающиеся изо рта – но ведь я не на Венском балу, где требуется соблюдать этикет.

Галеты были чересчур пресными. В других обстоятельствах я вряд ли бы одолела и половину упаковки. Но сейчас съела все и даже слизала крошки с пальцев. Мой полуночный ланч смягчил сердца охранников. Стволы автоматов больше не смотрели на меня, во взглядах бой-

цов появилась насмешка. Военный с квадратным черепом протянул флягу. Я сделала из нее затяжной глоток воды и вернула хозяину.

– Спасибо. Меня зовут Алена.

– Меня зовут Ирбис, – сказал он и отвернулся.

Ирбис? Странное имя. Впрочем, бывают и хуже. Так что просто спасибо, человек со странным именем, за галеты и воду. Еще бы где умыться, но в моем положении это уже роскошь.

Дорога обогнула скальное ребро, напоминающее угол дома-хрущевки, и мы очутились на небольшом плато, за краем которого в непроглядной темени лежала пропасть. Из нее доносились журчание и плеск. Очевидно, там находилось русло горной реки.

«Хаммер» проехал по самому краю: колеса даже сорвали вниз мелкий гравий, а у меня зашло сердце. Затем внедорожник все-таки вырuling в центр плато. Его фары осветили широкую древнюю лестницу. Она поднималась на склон. Ступени потрескались от времени и кое-где провалились. В некоторых местах поросли мхом и травой. У основания лестницы мы остановились.

Боевики прыгнули через борта, затем помогли выбраться мне, но куда не повели. Мы остались возле «хаммера», чего-то ожидая, и простояли так минут десять, пока я не услышала из темноты хруст камней и гул двигателя. Гул приблизился, и рядом с нами затормозил еще один «хаммер». Крытый, стальной, с пуленепробиваемыми стеклами и бортами.

Распахнулись передние дверцы. Упавший из салона свет осветил пространство между внедорожниками. Изнутри выбрались двое серьезных боевиков со штурмовыми винтовками. Бросая короткие взгляды по сторонам, они взяли под охрану закрытую дверцу, которая через секунду открылась. Сначала из нее появился симпатичный парень лет тридцати со щетиной и очаровательными серыми глазами. Он окинул меня взглядом, размял плечи и отошел в сторону.

И лишь затем из салона появился *он*.

Том Кларк похож на человека, которого журнал «Форбс» ставит на третью или четвертую строчку в рейтинге самых влиятельных людей планеты. Он всегда в отличной форме. Подтянутый; лицо волевое и привлекательное. Морщин почти нет. Взгляд подчиняет себе в первые мгновения контакта. На левой руке не хватает двух пальцев, на запястье неразборчивая татуировка. Все это я перечисляю только для того, чтобы хоть как-то объяснить те невероятные и даже запретные ощущения, которые испытываешь, оказавшись рядом. Его облик, его движения сразу приковывают взгляд, горьковатый запах одеколona дурит голову, тело тянется к нему, не спрашивая разрешения хозяйки. А когда он начинает говорить, когда раздается этот бархатный голос – окончательно тонешь в ауре его настоящего мужского обаяния.

Едва он появился, как я уткнулась взглядом в его темную водолазку, чтобы не смотреть на лицо. Он всегда ходит в ней, никто и никогда не видел его в другой одежде. И никто не знает, что Кларк скрывает под ней.

Водолазка приблизилась. Я смотрела на ключицы, обтянутые черной шерстью, и не смела поднять глаз. Горчащий запах одеколona примешался к ароматам луговых цветов и свежей земли, вывороченной колесами внедорожников. Это сочетание показалось мне дыханием загробного мира.

– Развяжите ее, – приказал он.

Большоголовый Ирбис обрезаю ножом пластиковый проводок, который стягивал мои запястья. Я наконец расправила плечи. За спиной Кларка под присмотром сероглазого парня двое боевиков выгрузили из «хаммера» какие-то вещи и потащили их к лестнице.

– Хочешь жить? – спросил он.

– Очень, – с готовностью ответила я.

– Запомни два правила. Бежать невозможно. Задавать вопросы тоже нет особого смысла. Поняла?

– Поняла. Но у меня вопрос...

Взглядом он едва не вогнал меня в землю. Пришлось оставить вопрос при себе. Кларк выдержал долгую паузу, затем направился к лестнице. Ирбис подтолкнул меня прикладом автомата идти за ним.

Я дошла до каменных ступеней и стала подниматься по ним вслед за Кларком. Хорошо, что надела на юбилей джинсы с блузкой, а не платье, как собиралась. Не знаю, что будет дальше, но такая одежда больше подходит для исследования развалин, которых впереди, вероятно, в избытке. Уже сейчас ступени иногда исчезают из-под ног. Я все боялась, что провалюсь в какую-нибудь дыру, сломаю лодыжку и меня пристрелят за ненужностью, как захромавшую кобылицу.

Впереди мелькали фонари тех, кто шли первыми. Один из лучей скользнул выше, и я увидела, что лестница заканчивается фасадом древнего храма, врезанного в склон. Его архитектура пострадала от времени, горельефы стерлись и потеряли объем. Две колонны, поддерживающие массивный козырек, едва стояли, а на самом козырьке выросло дерево.

Это не буддийский храм, хотя очень похож. Буддийские я знаю, в одном из них меня всего месяц назад поймали разгневанные камбоджийские монахи. Скорее всего, что-то ближе к Индии. Выходит, я нахожусь в Индии?

Под колоннами чернел прямоугольник входа. Сероглазый парень и двое боевиков там остановились. Почему-то не решились войти внутрь, хотя на крутых ступенях неудобно стоять. Вскоре мы с Кларком дошагали до них. Я увидела, что вещами, которые военные вытащили из «хаммера», были два альпинистских рюкзака «Millet» и большие шестидесятиметровые мотки статической веревки.

– Храм построен в третьем веке до нашей эры, – сказал Кларк. Через секунду я сообразила, что он это рассказывает мне. – Землетрясение в шестом веке разрушило внутренние помещения. Пол и восточная стена провалились. Одна из плит, составляющих стену, застряла в расщелине на глубине сорока метров...

Пока он это объяснял, из отверстия подул прохладным воздухом, пахнущим гнилью. Я поежилась.

– На этой плите текст на санскрите брахманов. Ты знаешь его?

– Изучала.

– Ты спустишься в расщелину и прочтешь текст.

Я глянула на боевиков, которые привязывали веревки к вбитым у основания колонн крюкам. Мотки они оставили перед входом. Очевидно, расщелина начинается сразу за порогом, вот почему они не пошли внутрь.

Сероглазый парень тайком поглядел на меня. Ему было интересно, на кого это шеф тратит столько слов? Хотя в его взгляде сквозило сочувствие. Или мне показалось?

– Кто-то уже спускался туда? – спросила я.

Кларк качнул подбородком.

– Если так, то почему он не сфотографировал текст? Показали бы снимок специалисту по языкам, не пришлось бы жечь вертолетный керосин, чтобы тащить меня на край света.

Он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал фотографию. Через секунду снимок оказался в моих руках.

На снимке была запечатлена каменная плита, но только я впервые видела такую. Ее поверхность покрывал тонкий слой серебра, на котором виднелся текст длиной около двенадцати-пятнадцати строк. В противоположных углах снимка белели два пятна – наверно, при съемке использовалась пара вспышек. Качество изображения было высоким: на краях плиты можно различить каждую трещинку и даже структуру камня. Но сам текст был размыт. Сим-

волы расплылись, потеряв всякие очертания, словно в середине кадра вдруг исчезла резкость. Прочсть такой текст было нереально.

– Текст разьедает негатив и нарушает построение пикселей на цифровой фотографии, – пояснил Кларк. – А когда используешь кальку, то с нее осыпается краска. Текст невозможно скопировать. Его можно лишь прочсть. Специалист по языкам, который это делает, – ты.

– Вы отпустите меня домой?

– Обещаю, что ты продлишь себе жизнь, пока будешь заниматься переводом.

С ним не поторгуешься. Да у меня и аргументов-то нет, чтобы торговаться. А у него есть аргументы, особенно один. Убийственный. В прямом смысле.

Кларк направился к черному проему входа. Я поплелась за ним, закатывая рукава у блузки и дрожа от волнения. Боевики уже привязали веревки к крюкам. Вытащили из рюкзаков страховочную беседку и набор зажимов.

Затем достали второй комплект.

Для кого?

– Я пойду с тобой, – объяснил Кларк.

У меня внутри все оборвалось.

В глубине души я надеялась, что, спустившись в расщелину, если не сбегу, то хотя бы окажусь на расстоянии от него. За то время, что я рядом с этим монстром, у меня не осталось ни сил, ни эмоций. Если и спускаться придется вместе – то это совсем угнетающий расклад.

– Что нам делать, пока вас не будет, господин? – спросил сероглазый парень.

– Ждать.

– Мне связаться с поисковиками? Предупредить, чтобы были наготове?

– Я сказал – ждать! Твоя забота, чтобы электроника была в порядке и связь работала. Остальное – не твое дело, Мерфи!

Парень на миг окаменел, а затем кивнул шефу, как мне показалось, сделав над собой усилие.

А я делала вид, что не слушаю их разговора, цепляя на себя страховочную беседку и затягивая ремни на поясе и бедрах. Контакт с родным инвентарем вызвал маленькую радость. А еще напомнил дом. Не тот дом, что на Большой Пироговской, и не дом бабушки. Мой настоящий дом, который находится в горах. На отвесных скалах и карнизах. На поднебесных вершинах и хребтах. Там я отдыхаю, там нахожу покой.

Давненько я не бывала дома. Давненько в горы не выбиралась. Моталась по докторам и клиникам, ухаживая за мамой, пытаюсь вернуть ее. В результате ничего не добились, а мама притянула меня к себе так сильно, что родное скалолазание осталось за бортом моей жизни.

– Можно взять «кошку»? – спросила я у Мерфи, указав на стальной якорек с тремя лапками, поблескивающий в рюкзаке среди остального снаряжения.

Секунду подумав, Мерфи разрешающе кивнул.

Я повесила «кошку» на пояс, предварительно привязав к ней моток веревки. Удобная вещь «кошка». С ее помощью можно бросить веревку туда, куда не дотянуться рукой.

Кларк скинул пиджак, оставшись в водолазке. Пока он цеплял на себя беседку, я тайком смотрела на него. В его движениях было что-то необычное, завораживающее, почти божественное. В нем чувствовались сила и гибкость, нехарактерные для его возраста. А больше всего меня поразило то, как он одним махом затянул бедренный ремень и застегнул его в пряжке. Даже я так не умею.

Тем временем боевики встали возле входа в храм и стали спускать веревки в темный проем. Я заглянула между их спин, и... мне стало дурно. Сразу за входом начинался беспросветный провал. Храм был вырублен в цельном куске скалы, поэтому с потолка свешивались ряды колонн, обломанные снизу. Они напоминали зубья в пасти хтонического змея. И все-таки самым ужасным было то, что в провале кто-то находился.

Без света фонаря я не могла разглядеть как следует, но мне казалось... да я практически была уверена, что по стенам кто-то ползает! Это было настолько очевидно, что у меня затряслись колени. Я слышала тихий скрежет, шуршание и даже шепот.

– Там кто-то есть внизу?

Кларк не ответил. Он проверил, включается ли фонарь, и пристегнул его на пояс. Мне фонаря не дали.

– Я не хочу туда, – сказала я ему, – я боюсь спускаться.

– Даже если там кто-то и есть, у тебя нет выбора. В прошлый раз ты узнала слишком много. Такие знания просто не достаются. За все нужно платить. И жизнь в качестве оплаты самое меньшее из того, что ты можешь предложить.

Я попыталась осознать сказанное. Кларк прицепил к одной из двух веревок зажим и встал на край, спиной к пропасти. Я встала рядом. Просунула трясущиеся пальцы под стальную дугу, продела веревку между роликами и защелкнула блокиратор. Привычные движения не придали уверенности, как я на это надеялась. Боже мой! Как же не хочется спускаться в эту звериную пасть, в глубине которой что-то шевелится!

– Еще одно, самое главное, – сказал Левиафан. Его взгляд гипнотизировал. Я не различала ничего, кроме его лица. – Ты не должна видеть первые четыре строки. Иначе я не смогу тебе ничем помочь. Тебе придется расстаться с жизнью раньше, чем я обещал.

И он прыгнул вниз.

– Мамочки! – прошептала я и прыгнула следом.

Метр за метром мы погружались в пугающую пропасть. Проем, в котором светили фонари, удалялся, отчего вокруг нас становилось все темнее и сумрачнее.

Кларк спускался довольно умело, через каждые несколько метров отталкиваясь пятками от невидимой стены. Я делала то же самое и пыталась держаться храбро, но, когда я упиралась туфлями в скалу, меня каждый раз передергивало. На протяжении всего пути не покидало чувство, что по стене кто-то ползает. Более того, это чувство только усиливалось.

Вскоре скалы заслонили светлый прямоугольник входа и мрак окутал нас со всех сторон. Повторюсь, что фонаря мне не выдали, а Кларк свой почему-то включать не торопился. И в какой-то момент спуска я потеряла грозного спутника. Только что он был рядом, а в следующий момент исчез.

Я остановилась, вслушиваясь в темноту и пытаясь различить свист веревки, скользящей сквозь зажим Кларка. Но вместо этого обнаружила их.

Они выползали из скальных щелей. Гибкие, тягучие, похожие на тени в ночи. Стены кишели этими тварями. Они внимательно следили за мной, некоторые тянулись к веревке. Шепот, идущий со всех сторон, усилился. Мне показалось, что он был обращен ко мне. Тени пытались мне что-то сказать и даже о чем-то попросить.

Страх сдавил сердце. Рука вцепилась в зажим мертвой хваткой. Я не могла ею пошевелить, чтобы продолжить спуск. Надо двигаться дальше, но я не могла.

Ужас вцепился в горло.

На руку опустилась теплая успокаивающая ладонь.

– Не обращай внимания, – сказал Кларк из-за плеча.

Я вдруг обнаружила, что он притянул меня к себе. Я прижималась к его телу – тому самому, которое скрыто под черной водолазкой. На сей раз осознание этого не испугало. Наоборот, стало легче. Наверняка потому, что тени были намного ужаснее.

– Кто они?

– Никто.

Вспыхнул яркий свет, моментально разогнавший тени и шепот. Кларк провел лучом вдоль стены, и я увидела замелькавшие хвосты. Крысы сиганули в разные стороны. По стенам

их ползали целые полчища. Скрежет когтей и писк я приняла за потусторонние звуки. Господи, а я-то подумала...

Кларк закрепил фонарь на поясе и покатился вниз. Я расслабила онемевшую руку. Повернула зажим, и сила тяжести понесла меня вслед за моим проводником. Теперь я держалась к нему как можно ближе, потому что у него был свет и он был единственным, в ком я чувствовала опору в этой жуткой пропасти.

Провалившуюся стенную плиту я узнала сразу же. Покрытая серебром поверхность ярко сверкнула в луче фонаря. Кларк тут же выключил свет, но я успела заметить, что плита стояла вертикально, застряв в узком участке расщелины. Мы висели от нее на расстоянии двух метров. Крыс здесь не было, все остались наверху.

– Возьми.

В мою руку ткнулся фонарь. Я взяла его, в то время как Кларк отвернулся от посеребренной руины.

Прежде чем я нащупала кнопку включения фонаря, Кларк произнес:

– Помни о том, что я говорил наверху.

– А сами вы не будете смотреть?

– Я не могу смотреть на текст, – раздраженно ответил Кларк. – Он жжет мне глаза!

Эти странности скоро покроют меня с головой. Почему он не может смотреть на текст? Я включила свет.

Он осветил поверхность плиты. Серебро вспыхнуло.

Текст был велик: размером с мой рост, каждая буква – с мою ладонь. Составлен на санскрите и начертан при помощи ведийского письма. Не прелюдийский, не тот божественный язык, который когда-то оплетал мир, а затем оказался забыт, но наиболее генетически близкий к нему. Язык брахманов, на котором они писали веды и упанишады – священные тексты, услышанные от богов. Более примитивный и не такой мелодичный. Тем не менее тоже достаточно древний. И мертвый. На этом языке больше никто не разговаривает, кроме индийских священников. И меня.

Серебряные буквы висели на строчках, словно крючки на горизонтально натянутой леске. Помня о предупреждении, я загородила ладонью верхнюю часть отражателя фонаря, отчего световой круг оказался сверху обрезан и первые четыре строки текста остались во тьме. Да они мне и не нужны. Как и сам текст.

Только бы Кларк оставил в живых.

– ...и безутешная мать увидела сон, – начала я перевод с пятой. – *В том сне Стражи Мира, Локапалы-Махараджи, подняли ее на небеса к... Богу Вишне. Бог был красив. На груди его сверкал медальон с драгоценными камнями, ослепивший ее на мгновение... И сказал Вишна: «За твою благодетель и смирение скажу я, как излечить тебе сына. Найди в лесу мандалу, что укажет путь к великому древу Ашваттха. Соверши путь, и, когда придешь к древу, встань перед ним на колени и поклонись трижды. Приложи ладонь и прошепчи свою просьбу». Проснувшись наутро, мать сделала в точности как велел во сне Махешвара. Отыскав в лесу мандалу, она три дня и три ночи шла по ее указанию. На четвертый день увидела женищина древо чудесное, равного по красоте которому нет во всем мире... – Я прервалась. – У вас не будет глотка воды? В горле пересохло...*

– Читай, – велел Кларк настолько мрачно, что желание промочить губы моментально улетучилось.

– *Кхм... Поклонившись три раза, опустила мать на колени перед великим деревом. Прикоснувшись к нему, со слезами поведала просьбу. И едва сделала это, как раздвинулись небеса и из них прогремело слово, от которого вздрогнул мир. Мать взяла слово и вернулась домой. Там, над кроватью сына, прочитала его. В тот же миг налетел ветер и изгнал из сына чарвати...*

Дальше текст был оборван.

– «Чарвати» я сейчас не могу перевести. Это какое-то название. Чтобы проследить его этимологию, нужно покопаться в словарях...

Я только сейчас обнаружила, что Кларк тщательно записывает мои слова в блокнот. Наконец он получил долгожданный перевод. Но зачем ему понадобилась эта странная легенда? Что он хочет найти? Неужели из-за этой ерунды произошел его «семейный развод» с ЦРУ?

Я смахнула ладонью пот со лба.

И лишь затем поняла, что наделала. Не зря ладонь такая горячая! Ведь именно ею я закрывала отражатель.

Текст был освещен полностью. Включая первые четыре строки.

Как все отрицательно!

Мне нельзя туда смотреть. никоим образом. Нужно скорее убрать свет с текста, тогда никаких проблем не возникнет.

Но вместо этого я вдруг подумала, что Кларк настолько увлечен фиксацией моих слов на бумаге, что не заметит, если я краешком глаза взгляну на верхние строки. Буквально на секунду. Что там написано, и почему это нельзя читать? Наверняка там скрыт ключ ко всему.

Я быстро впила взглядом в строки.

И практически тут же Кларк поднял голову.

Раздумий не было. Замешательств, колебаний, грозных предупреждений – ничего! Если бы это случилось, я бы еще поспорила, потянула время. Произошла случайность, я не хотела. Да и разглядеть толком ничего не успела. Ну, может две-три строчки прочла. Но не четвертую! Четвертую точно не видела!

Но, повторюсь, Кларк не колебался ни секунды.

Я вздрогнула, фонарь в руке повернулся. Свет упал на моего проводника. Только мне показалось, что рядом со мной вовсе не Кларк, а совершенно другое существо. Настоящий дьявол. Лицо искажено страшной гримасой, глаза заволокла чернота.

Он резко взмахнул надо мной ножом. И враз отсек веревку, на которой я висела.

Глава 5

Тьма и свет

Если бы я могла выбирать, куда падать: в выгребную яму, в геенну огненную, в океан Солярис – то эту расщелину под древнеиндийским храмом выбрала бы в последнюю очередь. Она нагоняла на меня страх своими призраками, тьмой и потусторонней жутью. Но выбора не было. Человек падает туда, куда его бросили.

Через несколько метров я шваркнулась о стену и расколола фонарь. Мир моментально погрузился в крошечную тьму. Мне было так страшно, что я даже кричать не могла. Впрочем, были и плюсы. Удар притормозил падение.

Меня развернуло и пронесло сквозь паутину, которая тут же залепила лицо. Теперь я падала вниз головой, а это, смею заметить, занятие весьма рискованное, особенно если внизу появится дно. В подобных случаях первым страдает мозг, а мне он еще понадобится, чтобы выбраться на свет.

Я сорвала с пояса якорь-кошку.

Бросила в сторону: куда-нибудь, куда угодно...

Цепко звякнул металл.

Веревка резко натянулась. Кажется, кошка зацепилась...

Меня с силой рвануло вверх. Опять перевернуло, и я было обрадовалась, что приняла нормальное положение, как по мне весьма впечатляюще врезала невидимая стена.

Новый удар оглушил. Веревка проскользнула, оставив ожоги на ладонях. Хорошо, что я быстро пришла в себя и не позволила ей выскользнуть совсем.

Я замерла в темноте, раскачиваясь над бездной взад-вперед, приводя в порядок дыхание и успокаивая сердце, стучащее как африканский тамтам. Кошка держала. Не знаю, насколько прочно, но лучше перебраться на стену.

Зажав веревку ногами, освободила руку и ощупала скалу перед собой. Достаточно рельефная, с трещинами. Вложив пальцы в одну из трещин, искала ступней что-нибудь вроде карниза. Нашупала опору и перебралась на нее. Кажется, я только что чудом спаслась от неминуемой гибели. Впору радоваться.

Но радости не было. Вместо этого хотелось плакать. Слезы покатались из глаз, я даже их не просила.

Боже мой, куда меня занесло! Что делать?

Хочу домой. Там тепло, уютно, жизнь течет плавно и предсказуемо. Никто не обещает убить и не обрезает веревку, на которой висишь... Хочу к маме. Хочу обнять ее, прижаться к ней. Когда она молчит, то почти похожа на настоящую – на ту, прежнюю. Хочу послушать ее бред. Я к нему уже привыкла, за недолгое время разлуки даже успела соскучиться.

Стерев запястьем влагу с век, попыталась сорвать кошку. Я дергала за веревочный конец в разные стороны, пускала по нему волну. Бесполезно. Кошка села намертво. Жаль оставлять ее здесь, но придется. Она спасла жизнь, на этом функция железяки исчерпана. Через несколько тысяч лет ее найдут пришельцы, которые унаследуют Землю после того, как птичий грипп уничтожит всех куриц и человечество. Инопланетным археологам будет страшно интересно, почему этот якорь находится в такой дыре и кто на нем висел.

Уф-ф! Куда мне теперь?

Только не наверх. Там по стенам ползает целый сонм крыс. Хотя я теперь тоже нечто вроде них – такая же неприкаянная и отвергнутая миром, тоже ползаю по стенам. Но все равно, мимо крыс я не полезу. Чем они там питаются? Ничем. Наверняка голодные. Сожрут на ходу. И потом, даже если я их пройду, наверху меня встретят люди Кларка.

Я огляделась. Впечатление такое, словно меня окунули с головой в чернильницу. Ничего не видно. Ничегошеньки! Ползти вниз? Что там есть, кроме камней и безнадежного тупика?

Я долго глядела в пропасть, и мне показалось, что тьма внизу не такая уж непроглядная. Очень надеюсь, что это не оптическая иллюзия. Я сняла одну из туфель и бросила вниз. Все равно заниматься в них скалолазанием невозможно, а так хоть проверю – далеко ли до дна.

Звук удара не услышала, даже отправив вниз вторую туфлю. Плохо. А может, она во что-нибудь мягкое упала? В мох, например? Да хоть так, ползти наверх все равно желания не прибавилось.

И я стала медленно спускаться.

В полной темноте приходилось сползать на ощупь. По несколько раз проверяла надежность каждой зацепы, прежде чем перенести на нее вес тела. Да еще рельеф стены подкидывал сюрпризы. Он был очень неоднородным: то возникали удобные выступы и карнизы, то вдруг эта благодать обрывалась гладкой отрицательной скалой, которую приходилось преодолевать на одних руках. Двигаться было тяжело, и я страшно устала.

После двадцати метров спуска остановилась отдышаться и снова глянула под ноги.

Так и есть! Глаз меня не подвел.

Из глубины расщелины исходил слабый свет.

Изнуряющий спуск продолжался не меньше часа. Я выложились так, что одежда насквозь промокла от пота. Пальцы на руках сводило с непривычки. Ноги покрылись ссадинами. Без скальных туфель приходилось туго, но я не жалела, что отправила в полет свои «Карло Пазолини».

Дно возникло подо мной неожиданно. Я опустила ногу, чтобы нащупать очередную опору, и носок уперся в твердую поверхность. Моему счастью не было предела!

За руинами и каменными обломками обнаружился зев пещеры со скошенным сводом. Именно оттуда струился свет. Я стала пробираться в ту сторону. Перелезла через треснутую колонну. Нырнула под бронзовую статуей пятиликого Брахмы (каждый из ликов проводил меня грозным и немного шаловливым взглядом). Чтобы войти под свод, пришлось нагнуть голову.

Свет струился из-за поворота в глубине пещеры. Хороший, чистый свет. Я его не боялась, хотя следовало задаться вопросом – что тут может светиться на дне глухой расщелины. Впрочем, вскоре я это узнала.

Осторожно ступая израненными ногами по острым камням, я обогнула угол и оказалась в небольшом естественном зале. Посреди него стоял маленький домик, сложенный из хвороста и обмазанный глиной. Свет струился из небольшого окошка.

Я добралась до тонкой фанерной двери и постучала в нее.

– Извините! – сказала я по-английски. – Извините! Откройте, пожалуйста!

Внутри раздался звук шагов. Щелкнул замок. Дверь отворилась, поток света хлынул на меня, и я едва удержалась на ногах от удивления. Вдруг почудилось, что женщина, возникшая на пороге, мне знакома. Да не просто знакома – я близко ее знаю... Определенно, и продолжаю спать. Этого не может происходить наяву. Недаром Кларка сопровождало столько странностей...

– Мама? Как ты здесь очутилась?

В первый момент я действительно так и подумала. После долгого пребывания в темноте глаза заново привыкали к свету. И лишь затем поняла, что ошиблась. Это была не она. Я не разобрала черт лица и приняла неизвестную женщину за свою мать. Такая же худая и тонкая. Темные волосы с пробивающимися седыми прядями скручены на затылке. Движения плавные, спокойные. Эта женщина не моя мать, хотя очень на нее похожа.

Она что-то сказала. Я не поняла. Хозяйка дома говорила на каком-то диалекте хинди. Вообще я знаю много языков. Столько, что со стороны, наверное, заметно, как они выпирают

из моей головы. Но этот диалект мне незнаком. А потому разобрать ее слова было невозможно, хотя я пыталась изо всех сил.

Очевидно, мое замешательство отразилось на лице. Женщина тепло улыбнулась, отошла в сторону, предлагая войти.

– Спасибо! – пробормотала я умиравшим голосом. – Спасибо вам огромное!

Маленький домик из хвороста оказался на удивление уютным и светлым. Сразу за окном начиналась тьма, но она больше не пугала. Два масляных светильника, висающие под потолком, испускали много света, а от кладки булыжников над очагом веяло родным запахом натопленной русской печи.

Пока в чане грелась вода, женщина, не переставая улыбаться, заставила меня стащить джинсы и блузку. Промыла раны на ногах, хотя я пыталась протестовать. Когда вскипел чан, я помылась в маленькой кадке, натираясь чудесным аюрведическим [4] мылом. Блаженство сказочное! Вода смыла пот, пыль и усталость. После ванны я получила в подарок сари. Пришлось изрядно повозиться, чтобы завернуться в пятиметровую простыню – традиционную одежду индийских женщин. Получилось не очень, но зато на мне была чистая одежда.

Я растянулась на мягком потертом ковре, млея от удовольствия, а хозяйка собирала на стол еду.

– Боже, как я счастлива, – призналась я, – что вы решили поставить свой домик именно здесь!

Наливая воду в заварочный чайник, хозяйка снова улыбнулась, показав не очень хорошие зубы. Она вообще постоянно улыбалась, будто я все время смешила её. А может, я кого-то ей напомнила?

Потом была трапеза. Лепешки, фрукты, пахучий козий сыр. Я жадно набивала ими рот. Женщина сидела напротив, ничего не ела, а только умиленно смотрела на меня да пододвигала новые блюда с едой.

К концу трапезы я все еще хотела есть. Но больше не могла. Я поблагодарила хозяйку и откинулась на хлипкую стенку хижины. Глаза сами собой закатывались, но я старалась держаться в строю. Не хватало ещё провалиться в сон. Будто я недостаточно дрыхла, пока меня везли сюда!

Только куда везли? Где я?

Я поглядела на женщину, на ее загорелое лицо, розовое сари, расшитое по краям зеленой нитью. Если вспомнить храм, который я видела наверху, то вывод однозначный – я оказалась далеко за пределами России. В Индии или Пакистане. Особой разницы нет. В обоих случаях – за тысячи километров от дома.

Должна признаться, что оказаться черт знает где – это мой бич. Такое со мной периодически случается. Можно даже заявить, что ситуация обыденная. Однажды во Франции я отправилась выручать из беды Верочку Шаброву и угодила аж в Новую Зеландию. Ничего, выкарабкалась потом. Я знаю, что делать в такой ситуации. Самое главное выяснить, который сейчас день и где я нахожусь. Все остальное поправимо, даже если в карманах нет денег, а паспорт остался дома, в многострадальной сумочке, с которой я приехала из Камбоджи.

– Скажите, это Индия? India? Или Пакистан? Да? Pakistan?

Женщина начала говорить. Я пыталась разобрать в ее речи хотя бы фразу, но она говорила много и быстро, и я потерялась в хаосе слов.

– Арьяварта! – вдруг отчетливо произнесла она, перестав улыбаться. – Арьяварта!

Я вспомнила это название. Его произносила мама.

– Что такое Арьяварта? – Я попыталась построить фразу на хинди, но она вышла ужасной. – Что это такое?

Женщина обвела руками перед собой, показывая, что Арьяварта находится повсюду вокруг нее. Вокруг меня, значит, тоже.

– Но где эта Арьяварта? – не могла уgomониться я. – Индия?

Она кивнула.

Я обрадовалась, что ответ на первый вопрос добыт. Но затем вспомнила, что у народов этого региона кивок означает «нет».

– Неужели не Индия... Значит, Пакистан? Pakistan?

Женщина опять кивнула. Опять – нет.

– Арьяварта, – настаивала она.

От безнадежности я вгрызлась в ноготь на большом пальце. Женщина посмотрела на меня с укором, и ноготь пришлось оставить в покое.

Вот влипла! Куда меня занесло?

– Древо, – вдруг произнесла на английском моя добрая спасительница. – Ашваттха!

Виновато улыбнувшись, она указала сухим твердым пальцем сначала на меня. Затем куда-то вверх.

– Ты! Идти к Ашваттха! Там... – Она указала на собственный висок. -... знание! Бог!

Она меня слегка озадачила. Женщина велела сделать то, что совершила безутешная мать из легенды, которую я перевела для Кларка. Отправиться на поиски мирового древа, чтобы приложить к нему ладонь и получить помощь. Зачем?

Ответ возник моментально.

Чтобы вылечить маму.

Весьма сомнительное предприятие. Мировое древо – это образ, рожденный сознанием. Символ связи человека с небесами, с божественным. Он встречается во всех религиях. В скандинавской мифологии от земных низов до небес мир пронизывает мировой ясень Иггдрасиль. Шумерское древо Халупу выполняет ту же функцию. В славянских сказках яйцо Кощея висит в ларце на особом дубе. Даже у классика есть школьная нетленка: «У лукоморья дуб зеленый».

Наиболее известным ритуалом, связанным с мировым деревом, является жертвоприношение скандинавского бога Одина. Пронзенный копьем, он девять дней провисел на ясене Иггдрасиль, чтобы обрести мудрость и магические руны. Подобное жертвоприношение на мировом древе встречается в кельтских традициях. Сюда же следует отнести и распятие Христа...

Отголосок обрядов, связанных с мировым деревом, сохранился в современном обычае устанавливать рождественскую или новогоднюю елку. Подарки, которые кладут под нее для несмышленных детей, есть не что иное, как символ магического дара, получаемого от богов. Только все это аллегория, потому что мирового древа в реальности не существует. Все подарки, которые получает от него человек – мысленные озарения. Неважно, что это: научное открытие, «божественное откровение» или просто внезапная мысль, решающая проблему. Такое озарение является не чем иным, как результатом напряженной работы головного мозга при обдумывании научных задач, бесконечных молитв и просто проблем, которые достают на протяжении дня. В «Слове о полку Игореве» наиболее точно передается суть образа. Певец Боян воспевает старину, «скача соловьем по мысленну древу». Мысленное древо! Не мировое. Мирового древа в реальности не существует...

Но ведь Кларк его ищет! Значит, верит в его существование в реальности. И что? Ну найду его, поклонюсь трижды, прикоснусь к стволу. Раздвинутся небеса, и из них прогремит слово, которое поможет изгнать болезнь из моей матери? Я уже пробовала изгнать болезнь словом. Не получилось. И вообще все это сильно смахивает на фэнтези.

Возможно, что-то прояснили бы первые четыре строки серебряного текста. Только прочитать их толком я не успела – Кларк стал учить меня летать. В начале текста рассказывалось о том, как тяжело заболел сын у доброй женщины. Болезнью оказалась та самая «чарвати». Там еще приводились признаки болезни, но они показались мне бессмысленным набором слов.

– Чарвати, – сказала я.

Женщина подалась от меня, ее улыбка поблекла. Затем она приложила палец к губам и несколько раз кивнула с таким видом, словно объясняя неразумному ребенку, что нельзя прикасаться к раскаленной плите.

– Но что это такое? – спросила я.

Она не ответила. Больше я ничего от нее не добила. К тому же поддерживать разговор стало трудно. Желудок бросил все ресурсы организма на усвоение ужина. Поэтому на то, чтобы ворочать языком, энергии не осталось.

Заметив мое сомнамбулическое состояние, хозяйка уложила меня в дальнем углу хижины на тонком матрасе. Она потушила один из светильников, сама села под вторым и принялась шить.

Я воткнулась ухом в подушку, набитую соломой. Секунды две лениво наблюдала, как женщина ловко орудует иглой, а затем стремительно провалилась в сон.

Сон оказался хорошим. Мне представлялось, будто я не сплю, а продолжаю смотреть на женщину, сидящую под лампой. Только на ее месте была мама. В её глазах светился ясный ум, лицо дышало свежестью и было настолько красивым, что его нельзя не любить. Она не шила, а просто сидела в кресле. По бокам стояли незнакомые молодые девушки, которые расчесывали ей волосы, словно царице.

Мама была в сознании. В ясном уме и твердой памяти. Она призывно смотрела на меня, словно собираясь сказать что-то важное.

Очнулась я на холодном каменном полу. Под голову вместо подушки подложен собственный кулак. Похлопав глазами, я села и принялась разминать затекшие пальцы.

Я находилась в пещере. У нее низкий свод и бугристые стенки. В четырех метрах полукруглый выход наружу, загороженный стволами деревьев и буйными папоротниками. Сквозь зелень пробивались солнечные лучи. Пели птицы, издали слышалось журчание воды.

Где я? Что со мной было?

Ничего не помню. Какая причудливая амнезия! Я знаю, что воспоминания рядом. Вот они, здесь. Стоит только протянуть руку, но в то же время – не схватишь. Прямо как в сказке, когда герой возвращается из сказочного путешествия домой. Его все спрашивают: кто ты? Откуда? Где бывал, чего видал? А он – не знаю, не помню, нигде не бывал, ничего не видал. Мифологи считают, что такая забывчивость свойственна для героя, вернувшегося из царства мертвых. Восставшего из мертвых. Умерший не помнит своего прошлого. Впрочем, как и живой человек не помнит, кем он был в прошлой жизни. Тараканом, дворянином или наложницей.

Только я никакого сказочного путешествия не совершала и в царство мертвых не хаживала. Почему я все позабыла?

И тут воспоминания вернулись. Кларк, похитивший меня, а затем сбросивший в пропасть. Домик в пещере. Женщина, которая в нем живет.

Только где этот домик?

Я вскочила и прошла на несколько метров в глубь пещеры. Остановила непроглядная темень. Без фонаря дальше идти бессмысленно.

– Эй! – крикнула я в темноту. – Ау-у!

Крик вернулся назад, искаженный до неузнаваемости.

Пещерный домик исчез. Слово его никогда не было. Вместе с улыбчивой женщиной. И вместе с моей нормальной одеждой – джинсами и блузкой. На мне осталось только белое хлопчатобумажное сари, до жути напоминающее похоронный саван. От него слабо пахло воском.

– Ни фиги себе! – возмутилась я. – Вот это обмен!

Пока я спала, женщина отнесла меня к выходу пещеры. Что ж, спасибо ей за это. Однако как она волокла меня и почему оставила без привычной одежды?

А может, не было никакой женщины? Может, я уснула, пока ползла вниз по стене расщелины? Мне приснился свет в темноте, домик из хвороста, добрая пожилая женщина?

По пути к выходу я наткнулась на собственную одежду, валяющуюся на дне пещеры. Я подобрала блузку... и тут же бросила. И блузка, и джинсы были густо перемазаны пометом летучих мышей.

Я вытерла руку о стенку пещеры и больше не прикасалась к испоганенной одежде. Ничего страшного, похожу в сари. Все индийские женщины в них ходят, чем я хуже? Да и намного ли отличаются мои джинсы и кроссовки от полотна, в которое я завернута? Та же ткань. Разница лишь в покрое и моем сознании.

Правда, откуда я добыла это сари? Очередной вопрос, на который не могу ответить. Да и нужно ли? Главное, есть в чем выйти в свет.

На этой мысли я покинула пещеру и очутилась в буйном субтропическом лесу.

Надо мной возвышались высокие деревья незнакомых пород. Сверху свешивались лианы. Землю укрывали густые папоротники. Я шла сквозь них, рассекая коленками, словно морские воды носом корабля. После первых двадцати шагов о себе напомнили незажившие раны на ногах. Но они не вызывали такого беспокойства, как сари.

Передвигаться в сари с непривычки трудно. Во-первых, ткань плотно обматывается несколько раз вокруг тела и ног, вследствие чего невозможно шагнуть широко, как я привыкла. Во-вторых, кусок, накидываемый на плечо, все время соскальзывал, стремясь обнажить те части тела, которые по традиции не принято выставлять на обозрение. Под ним находилась чоли – короткая блузка, нечто вроде обтягивающей майки – но она настолько тонкая и прозрачная, словно ее не существует вовсе.

Возле выхода из леса сари разматалось. Я думала, думала, как его уложить, и решила использовать банный вариант. Обмотала вокруг торса и заткнула свободный конец на груди. Получилось смешно. Зато не сваливается.

Лес закончился. Он тянулся узкой полосой вдоль подножия горы. Я вышла на окраину и задохнулась от восторга.

На небе сияло жизнерадостное солнце. От леса вниз спускалась крутая альпийская лужайка, зелень травы резала глаз. Поодаль на склоне росли яблоневые и грушевые деревья. Ветви ломились от плодов. При виде их заурчало в животе, а рот наполнился слюной. Внизу катил воды мелкая каменистая речка, а на другой стороне снова начинался лес. Где-то там, среди ветвей, беззаботно щебетали птицы. А со всех сторон это великолепие окружали могучие, невиданные по красоте горные кряжи с заснеженными вершинами.

Эти горы многое прояснили в вопросе о моем местонахождении. Что такое Арьяварта, я, конечно, не знаю, но планета Земля пока еще круглая, и географии на ней не больше, чем есть. Это не Индия и не Пакистан, но в то же время и то, и другое.

Это Гималаи.

Вершина мира. Могучая горная страна, протянувшаяся на тысячи километров, хранящая тысячи укромных мест и тайн. Величайшие девятитысячники мира, тибетские монахи, прячущие священную Шамбалу; замок Шангри-Ла; база НЛО, которую скрывают индийские власти. Много чего здесь найдется интересного. Я в Гималаях! Это не хорошо и не плохо. Просто осознание этого факта не умещается в голове.

Я еще раз огляделась и только сейчас заметила неподалеку на окраине леса небольшой двухместный джип. На месте водителя пусто, рядом в небо поднимался дымок от затухающего костра.

Немного подумав, я направилась туда.

Возле джипа людей я не нашла. В траве валялись сумки с одеждой и снаряжением, какие-то стальные ящики. У костра сушилась пара ботинок с толстыми подошвами (одна пара – один

человек). Из багажника торчали кирка с лопатой. Я пришла к выводу, что не ши принадлежат геологу. Вероятно, он по какой-то надобности отлучился в лес.

Человек с высшим образованием наверняка знает, как добраться до ближайшего города. Или имеет в рюкзаке спутниковый телефон.

– Эй! – крикнула я, обходя лагерь по периметру. – Ау! Где вы? Гостей принимаете?

В стене леса что-то шевельнулось. Я увидела человека, прятавшегося за деревом. Человек глядел на меня. Высокий, нескладный, волосы всклоочены. Под тенью густых крон я не могла его рассмотреть получше, а выходить на свет он, кажется, не собирался.

– Доброе утро! – вежливо обратилась я к нему. – Вы говорите по-английски? Не подскажите, далеко ли до города? Я сама из России. Путешествовала по горам, но отбилась от группы.

Продолжая скрываться за деревом, незнакомец внимательно меня слушал, словно постигал из моих слов некую сокровенную истину. Довольно он странный.

– Скажите, а вы... – И тут я увидела на одном из стальных ящиков коробочку с беличьими кистями, которые используют археологи, чтобы очистить древности от пыли. – Так вы археолог! Какая приятная неожиданность. Я тоже, знаете ли, имею отношение к археологии. Меня зовут Алена Овчинникова. Вы, должно быть, даже слышали обо мне. Меня многие знают, в том числе в Индии. Я знакома кое с кем из Института археологии. Знаю доктора Кришана Капура, профессора Гюльшана Сингха... Вы сами откуда будете?

Этим вопросом я надеялась выдать из странного незнакомца хоть слово. И мой план сработал. Археолог понял, что избежать разговора не удастся.

Он открыл рот и зарычал.

У меня кожа на затылке собралась складками. Люди не издают такой рык. Физиологически на это неспособны. Я вдруг с ужасом поняла, что разговариваю со зверем, у которого косматая шевелюра и огромный рост.

Зверь оставил размышления о сокровенной истине и вышел из-за дерева.

Я попятилась, пытаюсь понять, что это за зверюга, но от страха была не в силах этого сделать.

Прочитав мой страх, он оглушительно свистнул. И бросился ко мне со всех лап. Темный, лохматый, яростный. Мне показалось, что от его топота земля заходила ходуном.

Я, естественно, завизжала. Никак, знаете ли, не ожидала столкнуться с такими вот археологами.

И бросилась наутек.

Далеко убежать не удалось. Возле заднего колеса я рухнула в траву. Отчасти в этом повинно сари, в котором бегать в принципе невозможно. Но основной причиной был труп археолога, о который я запнулась. Он наполовину высовывался из-под джипа. Глаза стеклянные, горло разорвано. Наглядный пример того, чем я могу стать через несколько минут.

Зверь летел на меня, разбрасывая лапами дерн. Здоровенный, пасть оскалена. Локомотив, несущийся на полной скорости. До меня ему оставались считанные метры.

Столкновение уже было неизбежным, когда я резко распахнула тяжелую дверцу джипа...

Питекантроп врезался в створку со всей дури. Джип содрогнулся и проскользил вперед на ручном тормозе сантиметров тридцать. Оглушенный зверь рухнул на лопатки. Налитые кровью глаза уставились в небо. Это был лишь нокдаун. Он собирался подняться, но я этого допустить не могла и обрушила на его голову ещё стальной ящик с инструментами.

После этого зверь потерял интерес к активным действиям. Он растянулся в траве во весь свой исполинский рост. Лапы и физиономия покрыты шерстью, на пальцах когти. Похож то ли на медведя, то ли на обезьяну-переростка. Я его, кажется, не убила, но крепко вырубил.

Тяжело дыша, я сползла с борта джипа, на который запрыгнула, чтобы бросить ящик с наибольшей высоты. Ноги тряслись, мир плясал перед глазами.

Первым делом я проверила пульс археолога. Никаких шансов. Археолог был мертвее некуда. Даже рука одеревенела и не сгибалась в локте. Труп теперь полностью затащило под днище, и мертвец лежал, уставившись на трубу глушителя, словно нашел в ней дефект, требующий серьезной починки. Однако кроме этого я выяснила очень важную для меня вещь.

Это был археолог Левиафана.

Он был одет в такую же защитную форму, что и боевики, которые везли меня в «хам-мере» к древнеиндийскому храму. В кармане я нашла бумажник, где лежали права на имя Генри Брайена, выданные в штате Огайо, фотография некрасивой нахмуренной женщины – то ли жены, то ли матери. Денег в бумажнике не оказалось. Блокнот исписан мелким нечитаемым почерком. Листая его, я расстроилась, пока в конце не наткнулась на свежую запись.

«Мандала в лесу».

Зверюга за моей спиной захрипела. В сознание, что ли, приходит? Я оглянулась. Вроде нет. Да и не должна, ящик уж больно тяжелый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.